

НИКА
ТУРБИНА

ЧТОБЫ
НЕ ЗАБЫТЬ

HNKA YVBNHA

HTOOL HE SAPPITP

Nuke

W y S

НИКА ТУРБИНА

**ЧТОБЫ
НЕ ЗАБЫТЬ**

СТИХОТВОРЕНИЯ
ЗАПИСКИ

Днепропетровск
«МОНОЛИТ»
2004

ББК 84.4РОС6

Т 86

Ника Турбина.

Т 86 Чтобы не забыть: Стихотворения, записки./ Составление, предисловие А. Ратнера.— Днепропетровск: Издательство «Монолит», 2004.— 344 с., илл.

ISBN 966 7455-30-0

В первое посмертное и наиболее полное издание произведений Ники Турбиной (1974–2002 гг.) включены ее стихотворения из книг «Черновик» и «Ступеньки вверх, ступеньки вниз...», а также неопубликованные стихи и записки «Чтобы не забыть». Книга иллюстрирована фотоматериалами.

ББК 84.4РОС6

Предисловие, составление,
подготовка и редактирование текста
Александра Ратнера

На обложке фото
Феликса Розенштейна

На контртитule фото
Николая Орлова

В книге использованы фотографии
*Николая Орлова, Феликса Розенштейна,
Михаила Харлампиева, Джузеппе Коломбо
и Паоло Суриано*

ISBN 966-7455-30-0

© Турбина Н. Г., 2004
© Ратнер А. Г., предисловие,
составление, 2004
© Издательство «Монолит»,
оригинал-макет, 2004

*Издание осуществлено при финансовой
благотворительной поддержке
Межрегиональной общественной организации
инвалидов (МООИ) «ПИЛИГРИМ» (г. Москва).
Тел. 737-72-41, E-mail: pilig@mail.ru, <http://pilig.ru>*

*Все права резервированы. Все перепечатки
данной книги как полностью, так и частично
категорически запрещены, в том числе любые
формы репродукции книги в печатной,
звуковой или видеоформе.*

«БУДУТ ПРОРАСТАТЬ МОИ МЫСЛИ НА ЗЕМЛЕ...»

Подобно большинству одаренных людей, Ника Турбина имела трудный характер, который, как и поэтический дар, обнаружился у нее в детстве. Вся она была сплав этих двух компонентов — таланта и характера, которые, проявляясь в том или ином соотношении, чаще усложняли ее и без того непростую жизнь. Это ощущали окружающие Нику люди, в первую очередь близкие, да и она сама. Ощущали все, но лишь немногие понимали, что выше сил человеческих нести ту психологическую ношу, которую судьба, как набитый свинцом рюкзаки, взвалила на плечи ялтинской школьницы и с годами лишь увеличивала этот груз.

В конечном счете судьба Ники Турбиной случилась трудной, как ее характер, трагической и короткой, как ее стихи, что «само по себе и не ново» для поэтов такого уровня. Но судьба эта была еще и уникальной, ибо на вершине славы Турбина оказалась не в конце, а, наоборот,— в начале жизни. Судите сами: стихи девочки-первоклассницы с подачи Юлиана Семенова напечатала «Комсомольская правда», через год в Москве выходит первая книга ее стихов с предисловием Евгения Евтушенко (кстати, до сих пор, единственным, на мой взгляд, глубоким и доброжелательным анализом творчества Ники), затем — участие в международном поэтическом фестивале «Поэты и Земля» в Италии, на котором ее наградили «Большим Золотым Львом Венеции», поездка в Соединенные Штаты, где она встречалась с Иосифом Бродским...

Вторая же половина жизни Ники Турбиной прошла, увы, в бесславии и безвестности. «Я все сказала о себе в стихах еще ребенком,— писала Ника,— тело женщины мне не нужно было».

Многие полагают, что трагедия Турбиной заключалась в том, что она в двадцать семь лет не могла писать лучше, чем в семь. Не совсем так, точнее, совсем не так. Если бы в конце жизни она написала то, что в семилетнем возрасте, может быть, это не вызвало бы таких восторгов и эпитетов в ее адрес, так как тогда речь шла бы о талантливых взрослых стихах взрослого человека. А вот взрослые (да еще какие!) стихи девочки воистину потрясают. Ведь нас всегда дивят недетские рассуждения детей, а здесь — недетские стихи девочки, по сути ребенка. Это, мне кажется, удивительнее, нежели прекрасные стихи для детей пожилого автора.

Кроме того, на основании чего в большинстве публикаций делается вывод о затухании с возрастом поэтических способностей Ники? Только лишь на основании образа ее жизни? Или потому, что новые стихи в периодике почти не появлялись, новые книги

«Киллер-судьба» дала ей эти ножницы 11 мая 2002 года.

Ничем не отличалась Ника от своих сверстников только в школе. Дома же она постоянно ожидала звук, посещавший ее по ночам; он был не вдохновением, а сигналом свыше, который, пройдя через нее, превращался в стихи, зачастую короткие, потому что каждая строка несла нечеловеческую нагрузку:

Тяжелы мои стихи —
Камни в гору.

Вот что об этом своем состоянии писала сама Ника: «Я звук ждала. Он приходил. И наполнялась я энергией чудовищного мига, непонятного, как рождение человека».

Если же звук не приходил, Ника невероятно нервничала, не спала до утра и уставала настолько, что иногда вынужденно пропускала занятия в школе. Она была как бы проводником между небесами и землей, между Всевышним и людьми. В реальном же мире ей трудно было ориентироваться. Понимая это, ее мама, Майя Анатольевна Никаноркина, и бабушка, Людмила Владимировна Карпова, которых Никуша, как они ее называли, обожала, заменяли ей поводыря.

Примерно в середине жизни Ника Турбина оказалась в Москве. Новый огромный город, новое окружение, новая жизнь. Находиться рядом с ней постоянно не мог никто. Поэтому она порой «делала много ошибок, дулом направленных на себя». Иногда это было осознанно, иногда — нет, но часто — знаком протеста против того, что ее как поэта забывали, печатали не ее стихи, а сплетни о ней, избегали общения и не отвечали на телефонные звонки.

Будь у Ники, как прежде, поводырь, она бы уверенно шла за ним. Но поводыря не было. Были многие, ненадолго бравшие на себя эту роль, но с ними Ника лишь сбивалась с дороги:

Брожу по жизни,
Словно маленький ребенок
По белой простыне,
Бросая душу
В пропасти надежд.

Девочка, по ее выражению, «была изначально больна непониманием времени, людьми, не разбиралась в себе сама». Эпизодически она училась в институте культуры, снималась в кино, выезжала за границу, выходила замуж, навещала Ялту, пробовала себя на радио и телевидении. А еще — влюблялась, увлекалась режис-

сурой и, конечно, писала, не только стихи, но и записки, прочитав которые, кое-кто из считавших себя ее ангелами-хранителями узнают, как их оценивала Ника Турбина и что в то же время она думала о себе и о своей жизни, которую, по ее словам, «растренькала смеясь, тусуясь с ворами души моей».

К сожалению, я не знал Нику лично и потому живу с ощущением, что если бы мы встретились, то мне не пришлось бы писать о ней сейчас в прошедшем времени:

*Диво-девочка, Ника-Никушка,
Что тебе предсказала кукушка?
Неужели она по секрету
Кануть юной пророчила в Лету?
Неужели была ей охота
Напророчить два майских полета
Из окошка в московской квартире?
Ты служила мишенью, как в тире,
Для стрелков, что умели впрямую
Бить без промаха в душу-десятку...
Я от мысли едва ли не вою,
Что тебя не увидел живую
И к тебе не явился воочью,
Словно звук, ожидаемый ночью.*

В судьбе Ники Турбиной отразились все «добрые традиции» отношения нашего общества к таланту: при жизни — если не травля, то забвение, после смерти — если не запоздалое восхищение, то спекуляция причастностью к судьбе творца.

Как в воду глядела Ника, написав: «Когда умру, тихо станет. Те, кто любил меня, от горя напьются. Кто зло таил, напишут каверзные слова, обрадованные, что вновь в печати можно засветиться».

Ранний уход поэта из жизни усиливает впечатление от написанного им. Особенно, если уход этот был предопределен самим поэтом еще в дошкольном возрасте. Ника Турбина жила с таким предчувствием более двадцати лет, она не однажды и по-разному пыталась свести счеты с жизнью, но давший ей свою искру Господь не торопил события и снова дарил ей время на реанимацию души и тела:

*Я не хотела умирать.
Летать пыталась — не свершалось,
А умерла, то потешалась
Над брэнной дерзостью мечты.*

Сравните две судьбы — Ники Турбиной и Владимира Высоцкого. Последнего уничтожали тем, что вообще не публиковали, чему он огорчался до слез. Нику же публиковали с семи лет, у нее вышли две книги стихов, и обе в Москве, она выступала по Центральному телевидению, о ней писали, говорили, ее возили, приглашали, носили на руках — и вдруг все это резко прекратилось. Выдержать такой контраст в юности психологически труднее, чем лавину славы в детстве.

В конечном счете оба — Высоцкий и Турбина — ушли молодыми и встретились на Ваганьковском кладбище.

Ника ушла из жизни двадцатисемилетней, в лермонтовском возрасте. Но если Лермонтов был убит сразу и одним человеком, то Нику убивали долго и многие, пулями невнимания, непонимания, равнодушия, зависти к ее таланту, молодости, внешности. «Родилась я,— писала она,— уже птицей раненой. А набросились все, ровно солнце я затмила».

Она не хотела уходить из жизни и цеплялась за нее, как за подоконник окна, с которого от неловкости случайно соскользнула и на мгновение зависла со стороны улицы.

Путь Ники в бессмертие был равен расстоянию от окна пятого этажа до земли:

*Каждую клеткой тела
Девичьего дрова,
Ты над Москвой летела
С пятого этажа.*

*Господи, как нелепа
Гибель от высоты.
Не из окна — из неба
Выпала, Ника, ты.*

*Видимо, годы вышли
Все на твоём веку,
Если тебя Всевышний
Не удержал вверху.*

*В ласточку-одиночку
Превращена судьбой,
Ты долетела, точку
Ставя сама собой.*

Эта книга должна была появиться раньше, но слава Богу, что наконец-то вышла сейчас, чтобы напомнить всем о жившей недавно рядом с нами Нике Турбиной, Поэте с большой буквы, и познакомиться с ее творчеством новое поколение, ибо на родине последняя книга Ники была издана почти полтора десятилетия назад.

Первым шагом на пути к данной книге было издание в 2003 году пьесы «Ника» Людмилы Карповой, бабушки поэта. При подготовке и редактировании рукописи я окупился в жизнь семьи, ее уклад, круг общения, мир интересов, многократно перечитывал неопубликованные стихи и записки, каждый раз — и это первый признак таланта неординарного — по-новому воспринимаемая мысли автора. Все это происходило в ялтинской квартире на улице Садовой, в которой Ника 17 декабря 1974 года родилась и провела полжизни, где она незримо присутствовала в гостиной, когда мы колдовали над пьесой и, забегая вперед, обсуждали это издание.

Наряду с известными стихами Ники Турбиной, в книгу включены также ее неопубликованные стихи. Это далеко не все, что до сегодняшнего дня было сокрыто от глаз читателя. Прочитайте их, пожалуйста, и не по одному разу, дабы убедиться, насколько они емки, невзирая на краткость. Вас не смутят ни отдельные огрехи формы, ни слабые рифмы или их отсутствие, равно как и порою сбивчивый ритм. Все это второстепенно перед озаренными оптимизмом строками:

Улыбки развешу по стенам жилья,
На стол доброту моих рук набросаю,
Двери настежь открою для друзей ли, врагов —
Счастьем надо делиться.

Определив для себя, что «поэзия — уникам, область ненужной печали» и что «отсутствие полета для души равно дыханию без воздуха», Ника, невзирая на в основном мрачные краски своей поэтической палитры, искренне писала о заветных желаниях:

Доказать, что Родину страстно люблю,
Умереть на земле моей русской.

Ей достаточно было всего двух строк, чтобы описать собственную судьбу и судьбу своих стихов:

Я — мать-одиночка
У моих стишочков.

Впервые читатель сможет познакомиться и с замечательными записками в прозе «Чтобы не забыть», представляющими собой дневниковые размышления Ники Турбиной в последние годы ее жизни. Зачастую эти записки — прекрасные белые стихи, как, например, «Не надо слов, они не существуют...». Своего рода прозаические миниатюры, они являются не только дополнением к стихам Ники, но и к нашим представлениям о ней, уже взрослой, размышляющей о современной жизни, любви, творчестве, взаимоотношениях между людьми, отношении к Богу. Хотя записки и разноплановы, но, как и в стихах, здесь явно присутствует свой стиль, в первую очередь заключающийся в своеобразных расстановке и сочетании слов в предложениях. Вначале это кажется странным, но постепенно, по мере чтения, понимаешь, насколько такой прием органичен для автора.

К сожалению, многие стихи и записки Ника сожгла.

В настоящей книге все, даже название, написано самой Никой Турбиной, она просто не составляла ее, скорее всего, не думала об этом или не могла по разным причинам. Написать за Нику невозможно, можно только за нее объединить это невозможное под одной обложкой, что и было сделано к 30-летию поэта.

Не сомневаюсь, что так же, как когда-то Господь подарил Нике свою искру, он уже подарил ей частицу своей вечности, у которой «нет предела, есть только время на выход». Да иначе и быть не может, ведь всего за треть обычной человеческой жизни Ника Турбина успела

Расстегнуть все застёжки души,
Согревая людей потаенною силой
Великой любви.

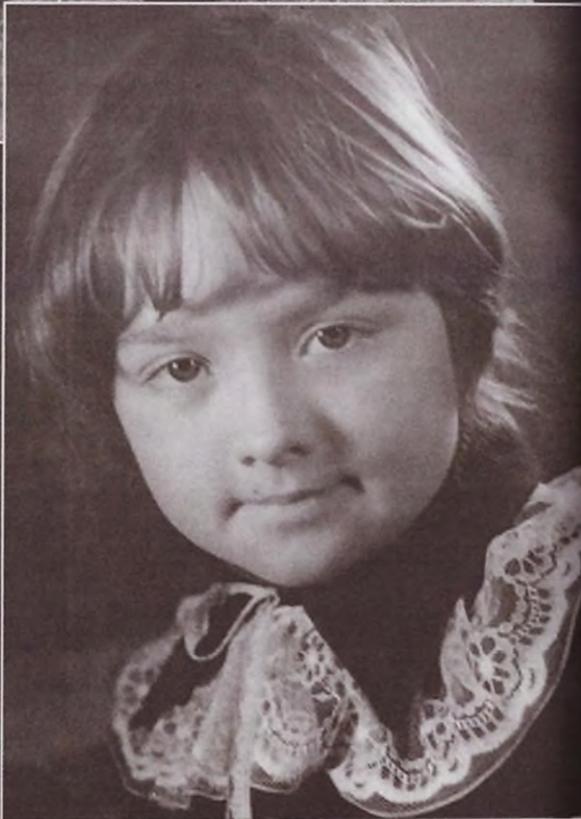
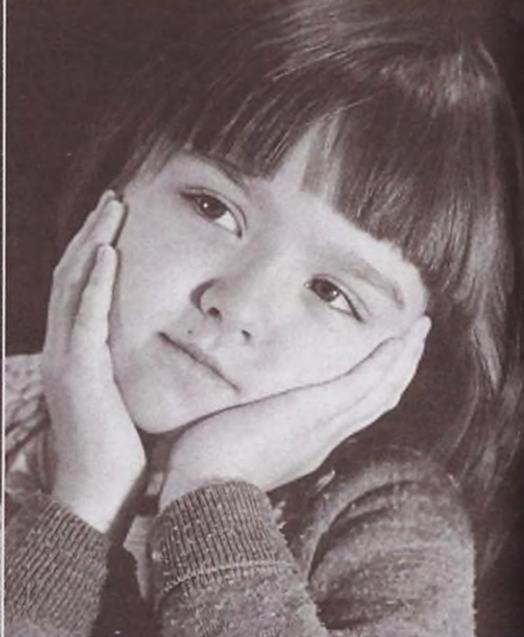
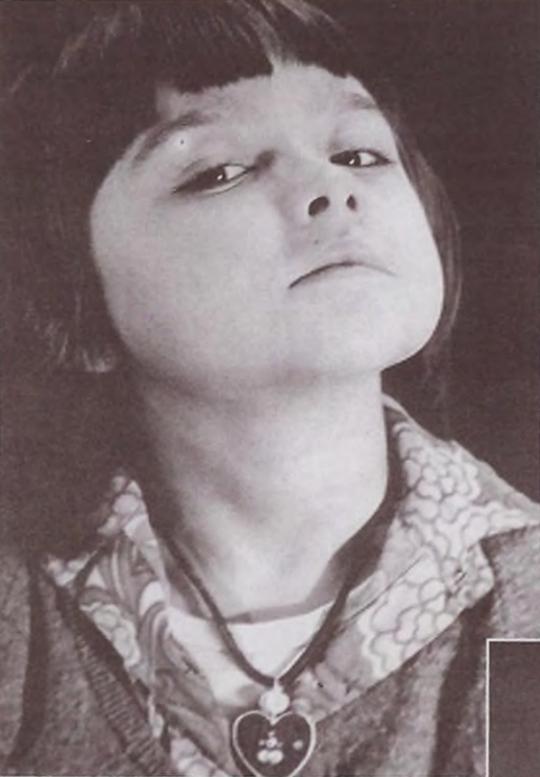
Александр Ратнер

ИЗ КНИГИ «ЧЕРНОВИК»

* * *

Жизнь моя — черновик,
На котором все буквы —
Созвездья.
Сочтены наперед
Все ненастные дни.
Жизнь моя — черновик.
Все удачи мои, невезенья
Остаются на нем,
Как надорванный
Выстрелом крик.

1983

КТО Я?

Глазами чьими я смотрю на мир?
Друзей, родных, зверей, деревьев, птиц?
Губами чьими я ловлю росу
С листа, опавшего на мостовую?

Руками чьими обнимаю мир,
Который так беспомощен, непрочен?
Свой голос я теряю в голосах
Лесов, полей, дождей, метелей, ночи.

Но кто же я?
В чем мне искать себя?
Ответить как
Всем голосам природы?

1982

* * *

Я стою у черты,
Где кончается
Связь со вселенной.
Здесь разводят мосты
Ровно в полночь —
То время бессменно.

Я стою у черты —
Ну, шагни,
И окажешься сразу бессмертна.
Оглянулась — за мною дни,
Что дарили мне столько света.

И я
Сделать последний шаг
Не могу.
Но торопит время.
Утром меркнет моя звезда
И черта обернулась мгновеньем.

1983

СОРОК ПЕРВЫЙ ГОД

Города горят,
И леса горят.
По стране идет
Черным шагом
Враг.
Смертью смотрит
Глаз,
И рукой своей
Враг заносит меч
Над землей моей.
И закрыл крылом
Страшный ястреб
Свет.
И кричит земля:
— Мне покоя нет.
Отчего вы,
Люди,
Хуже зверей,
Убиваете даже
Малых детей? —
Города горят,
И леса горят.
По земле идет
Черным шагом
Враг.

1983

МЕЖДУГОРОДНЫЕ ЗВОНКИ

Междугородные звонки,
Вы с Богом наперегонки.
Вокруг планеты —
Кто кого?
От криков лопнуло стекло,
Которое меж ним и мной.
Долой звонки,
Звонки долой.

Мы будем молча говорить,
Глаза — в глаза,
Чтоб сохранить
Больной от воплей
Шар земной.
Пусть он зашелестит травой,
И ветер закружит листвою
Над раненой моей землей.
...Мы будем молча говорить
О том,
Как детство не убить.

1983

ХОЧУ ДОБРА

Как часто
Я ловлю косые взгляды.
И колкие слова
Как стрелы
Вонзаются в меня.
Я вас прошу — послушайте!
Не надо
Губить во мне
Минуты
Детских снов.
Так невелик
Мой день,
Я так хочу добра
Всем,
И даже тем,
Кто целится
В меня.

1983

ГАДАНЬЕ

Гадают сейчас
На времени,
Карты ушли в историю.
Кому выпадает черная —
Бросают туда бомбу.
Не карты,
А люди раскинуты
На бедном
Земном шаре,
И каждый боится вытащить
Кровью залитые страны.
Как жаль, что
Я не гадалка.
Гадала бы только цветами
И радугой залечила
Земле нанесенные
Раны.

1983

* * *

Тяжелы мои стихи —
Камни в гору.
Донесу их до скалы,
До упору.
Упаду лицом в траву,
Слез не хватит.
Разорву свою строфу —
Стих заплачет.
Болью врежется в ладонь
Крапива!
Превратится горечь дня
Вся в слова.

1981

ТАМ, ГДЕ ГРОХОЧЕТ ВОЙНА

Слепой ребенок
На куче хлама
Играл осколками стекла.
И в мертвых его глазах
Стояло солнце,
Не виданное им.
И блики мерцали
На колких стеклышках,
И пальцы, дрожа,
Перерывали мусор,
Думая, что это
Цветы,
Растущие под небом
Рая.
Слепой ребенок
Радовался утру,
Не зная
И не ведая, что ночь
Всегда стоит
За детскими
Его плечами.

1983

* * *

Мы говорим с тобой
На разных языках.
Все буквы те же,
А слова чужие.
Живем с тобой
На разных островах,
Хотя в одной квартире.

1983

* * *

Дождь, ночь, разбитое окно.
И осколки стекла
Застряли в воздухе,
Как листья,
Не подхваченные ветром.
Вдруг — звон...
Точно так же
Обрывается жизнь человека.

1981

ОДНОМУ СЛУШАТЕЛЮ

«Я вам почитаю стихи...»
В глазах недоверия
Черные точки.
И я убегаю,
Как раненый кочет
По тонкому
Зыбкому льду.

1983

ОСТАНОВИСЬ НА МИГ

Зачем,
Когда придет пора,
Мы гоним детство со двора?
Зачем стараемся скорей
Перешагнуть ступени дней?
Спешим расти.
И годы все
Мы пробегаем,
Как во сне.
Остановись на миг!
Смотри,
Забыли мы поднять
С земли
Мечты об алых парусах,
О сказках,
Ждущих нас впотьмах.
Я по ступенькам,
Как по дням,
Сбегу к потерянным годам.
Я детство на руки возьму
И жизнь свою верну ему.

1983

СМЫСЛ ЖИЗНИ

Ступеньки вверх,
Ступеньки вниз —
Кружится голова.
Ступеньки вверх,
Ступеньки вниз —
Как жизнь моя мала!
Но не хочу
Я верить в то,
Что смерть придет ко мне,
Что не увижу никогда
Я снега в январе,
Весной
Я не сорву цветов
И не сплету венок.
Прошу!
Не надо лишних слов,
А просто верьте в то,
Что утром снова день придет,
И будете опять
Ступеньки вверх,
Ступеньки вниз,
Летя по ним, считать.

1981

* * *

За что
Мы бросаем
Сухие цветы
Прошедшими днями
На мостовую.
К киоску подходим
И тут же — другую
За рубль покупаем себе красоту.
Бросаем друзей.
Что было вчера,
Спешим позабыть —
Лишь бы не было больно,
И ненависть я
Выпускаю на волю —
Ловите, кто хочет,
Она не моя.

1983

ДВОЙНИК

Может быть,
В завтрашнем дне,
В мире ином,
Приду на свиданье
Со своим двойником.
Он — отраженье мое,
Невысказанные слова.
Он — боль моя
И беда моя.
Слеза непросохшая на моей щеке —
Его слеза.
Его больные глаза —
Мои глаза.
Я вытащу зеркало,
Оно разбито мной.
Его отраженье
Осталось во мне самой.

1983

* * *

Уезжаю, уезжаю
Я от шума городского,
И за окнами вагона
Пробегают тополя.
Расстанутся только в книгах,
Я же встречи ожидаю,
Даже если мне вернуться
Не придется никогда.

1983

* * *

Е. А. Ештушенко

Вы — поводырь,
А я — слепой старик.
Вы — проводник.
Я — еду без билета.
И мой вопрос
Остался без ответа,
И втоптан в землю
Прах друзей моих.
Вы — глас людской.
Я — позабытый стих.

1983

* * *

Информация человечества
Собирается в слове
«Вечность».
Вечен свет,
Если ночь его
Не уьет.
Вечен мир,
Если смертью
Не разорвет
Шар земной.
Он прозрачен
И чист,
Как январский снег...

Пожалей его,
Человек.
Пожалей свой дом,
Он частичка твоя,
Сын твой там
Или дочь —
Это тоже земля.

Информация человечества
Обрывается только
Вечностью.

1983

* * *

Благослови меня, строка,
Благослови мечом и раной.
Я упаду,
Но тут же
Встану.
Благослови меня,
Строка.

1983

* * *

Как трудно стало
Мне писать,
По сердцу
Барабанят дробью
Слова,
Кому мне их сказать?
Птенцом
Попала я в неволю.
И клетка
Очень хороша,
Вода и корм —
Всего там вдоволь.
Но ключ от моего ларца
Семью печатями окован.
Хозяин мой
Бывает добр
И дверцу
На ночь открывает,
Но сторожем
Он оставляет
Тьму
За невымытым окном.

1983

НУЛИ

Я научусь считать до 10, 30, 100,
И еще очень много нулей...
А что будет потом?
Я останусь маленькой
И шепотом расскажу
Маме сказку
О Красной Шапочке
И о том,
Что бывает страшно
Не только ночью,
Но и днем,
Потому что я боюсь цифр,
В которых много нулей.
Они так похожи
На пасти жутких
Диких зверей.

1982

СОЛОВЕЙ

Заслону плечом тяжесть дня
И оставлю вам соловья.
И оставлю вам только ночь,
Чем могу я еще помочь?
А хотите, я сердце отдам —
Пусть судьба моя пополам.
Даже время умрет до утра,
Но проспали вы соловья.
Торопясь, вместо сердца
Вы взяли часы.
День пришел,
Слышишь, ночь, ты его не ищи.

1983

ТРИ ТЮЛЬПАНА

Е. Камбуровой

Три кровавые слезы,
Три тюльпана.
Молча женщина сидит.
От дурмана
Закружилась голова,
Сжалось сердце.
Три тюльпана
Получила ты в наследство.
Только ветер прошумел:
«Быть им ложью!»
Но глаза твои кричат:
«Быть не может!»
Три тюльпана, три слезы
Облетели.
Молча женщина сидит,
Им не веря.

1983

* * *

Я ночь люблю за одиночество,
Когда с собой наедине
Я говорю о том,
Что хочется
И что не хочется судьбе.
Могу я думать о несбыточном,
О том,
Что ночи нет конца.
И можно верить
В дни счастливые,
И плакать можно без конца.
Не надо слушать слов укора.
И глаз тревожных острие
Не надо прикрывать рукою,
Когда становится темно.

1982

* * *

Не пишутся мои стихи,
Ни слова и ни строчки.
Разбросаны, как городки,
Все запятые, точки.

И день закончился без снов.
И ночь пройдет в потемках.
Ушли стихи, как тает лед
От солнца на пригорке.

Но трудно мне дышать без слов —
Все улицы узки.
Искать я пробую слова —
Дороги коротки.

Все перепутаны пути,
Дождями рифмы смыты.
И даже буквы в букваре
Все мною позабыты.

Не пишутся мои стихи,
Нет больше боли и тоски.

1981

ВОЗВРАЩЕНИЕ

Каблучки по ступенькам,
В дверь звонок.
Ты стоишь —
За плечами взмах волос.
И распахнуты руки,
Как разорвана ночь.
Я не верю в разлуку,
Все слезы прочь.
Но ты смотришь
С тревогой,
Снова дни пролистав.
По железной дороге
Не вернулся состав.
Ты осталась
В том доме,
Где чужие углы.
Где все лица в разломе,
Где молчанье
Как крик.
И уколешься взглядом
О чужие слова.
Лифт захлопнется рядом,
Ты ему не нужна...
Этажи бесконечны,
И в проеме окон
Будет лиц бессердечье,
Как церковный звон.

1982

УРОНИЛА В РУКИ ВОЛОСЫ

Уронила в руки волосы —
Как пшеничная вода.
А напьешься —
Вмиг накатится
Серебристая волна.
Время горького дыханье
Подступило, не унять.
Как трава еще не вялая,
Только стоит ли срывать?
Завтра поутру оглянешься —
Вышел год.
Уронила в руки волосы —
Твой черед.

1983

* * *

Как больно, помогите,
В глазах беда.
Но годы-паутинки
Растают без следа.
Рукой не обопрешься —
Душа пуста.
По волчьим тропам бродит
Моя звезда.

1983

Я ДОМ УБЕРУ

Я дом уберу
И мебель поставлю
В пустые углы.
Вымою пол,
Почищу ковры
И сяду.
За стеклами
Дождик заплещет,
И день одиночеством
Страшным накажет.
Как хочется мне
Обойти стороной
Калитку, и сад,
И цветущий левкой.
Но каждое утро
Я день начинаю
В том доме,
И пыль вытираю,
И окна от ветра
Закрою.

1983

КОСУ ЗАПЛЕТИ ТУГУЮ

Косу заплети тугую,
Улицей пройди
И услышишь
За собою
Гулкие шаги.
Это — время,
Что хотела
Ты забыть.
Не надейся,
Этой встрече
Непрерменно быть.
И ты знаешь,
Расплатиться
Ты должна
За слова,
Что были сказаны
Тогда.
Верись,
Время перепутает пути,
И поэтому
Ты
Косу не плети.

1983

* * *

Убаюкайте меня, укачайте
И укройте потеплей одеялом.
Колыбельной песней обманите,
Сны свои мне утром подарите.
Дни с картинками,
Где солнце голубее льда,
Под подушку утром положите.
Но не ждите, слышите,
Не ждите,
Детство убежало от меня.

1982

* * *

Душа-невидимка,
Где ты живешь?
Твой маленький домик,
Наверно, хорош?
Ты бродишь по городу,
Бродишь одна,
Душа-невидимка,
Ты мне не видна.

1983

НОВОСТИ ДНЯ

Я жду,
Когда кто-нибудь
Спросит меня,
Что видела, виделась с кем,
Где была.
Тогда я открою альбом новостей,
Вам хочется новых
Услышать вестей?
Кто умер, уехал,
Остался один...
А можно,
Мы просто
Чуть-чуть помолчим?
Увидим последний
Трамвай за окном...
Я очень люблю засыпающий дом.
И пылью покроются
Новости дня.
И я понимаю —
Не ждали меня.

1983

* * *

Каждый человек
Ищет свой путь.
Но все равно
Попадает на ту дорогу,
По краям которой
Стоят жизнь и смерть.
Я бы дольше
Хотела идти
По той стороне,
Где не заходит солнце.
Но за днем
Всегда наступает ночь,
Поэтому
Я ищу тропинки.

1983

ДОМ ПАСТЕРНАКА

Сад, терраса.
На ступенях
Желтый лист.
Окна смотрят
В темноту.
Слышен лишь
Тайный голос.
Он по клавишам
Бродил
Всю ночь.
Голос этот
Так хотел помочь
Время прошлое
И новое
Собрать у старых
Стен.
Только этот дом
Не любит перемен.
Ночь уйдет.
А утром клавиши молчат.
Только голоса
В душе кричат.

1983

БАБУШКЕ

Я печаль твою развею,
Соберу букет цветов.
Постараюсь, как сумею,
Написать немного слов
О рассвете ранне-синем,
О весеннем соловье.
Я печаль твою развею,
Только непонятно мне,
Почему, оставшись дома,
Сердце болью защежит.
От стены и до порога
Путь тревогою разбит.
И букет цветов завянет —
В доме не живут цветы.
Я печаль твою развею,
Станешь счастлива ли ты?

1982

ФОКУСНИК

А. Акопяну

Поднимите пальцы-нервы,
Превратите гроздь рябины
В брызги моря,
Что шумело за окном,
Тревожно вторя
Вечной тайне сна и были.
Превратите листьев стаю
В дерзкий клетот журавлиный.
Раскачайте на качелях
Ветер,
Превращенный в иней.
Помогите мне запомнить
Все раздумья и сомненья.
Дайте руку!
Я хотела б
Сердца ощутить биенье.

1982

* * *

Срубленные рифмы,
Срубленные фразы,
Срублены деревья —
Повалили лес.
Стон стоит,
Отчаянно
В плаче рвутся ветви.
Но и мало этого —
Листья подожгли!
Не пишется, строки,
Иль пишется в небе.
Ведь бумага кровью
Вся обагрена.

1983

ОДНОЙ ИЗ ЖЕНЩИН

В шесть сорок
Отбудет поезд.
В шесть сорок
Наступит расплата
За то, что
Забыла вернуться,
Что смех у тебя
На лице.
Ты выйдешь на станцию.
Тихо.
Твой поезд
Ушел на рассвете.
Не надо
Придумывать фразы,
Чтоб время простило тебя.
Ты просто забыла о дате,
Уходит нескорый поезд.
В шесть сорок
Приедет любимый,
Но это было вчера.

1983

РАНЕНАЯ ПТИЦА

Пожалейте меня, отпустите.
Крылья раненые не вяжите,
Я уже не лечу.
Голос мой оборвался болью,
Голос мой превратился в рану.
Я уже не кричу.
Помогите мне, подождите!
Осень.
Птицы летят на юг.
Только сердце сожметса страхом,
Одиночество — смерти друг.

1983

ДЕНЬ ЗАЧЕРКНУТ

День зачеркнут.
Все страницы
Будут собраны в сомненья.
День зачеркнут.
Отзовитесь
Все, кто канули в неверье,
Все, кто дымкой запоздалой
Были от меня укрыты.
Отзовитесь!
Слышен еле
Поезда гудок охрипый.
Все дороги словом смыты,
Перепутаны тропинки.
Отзовитесь, дни бывшие,
Что звенели звонью зыбкой.
Только ветер странно воет,
Перекрестки все сметая.
Я сама страниц сомненья
Зачеркну, не понимая.

1982

MAME

Мне не хватает
Нежности твоей,
Как умирающей
Птице воздуха.
Мне не хватает
Тревожного дрожанья
Губ твоих.
Когда одиноко мне,
Не хватает смешинок
В твоих глазах,
Они плачут,
Смотря на меня.
Почему в этом мире
Такая черная боль?
Наверное, оттого,
Что ты одна.

1981

* * *

Друзей ищу,
Я растеряла их.
Слова ищу —
Они ушли с друзьями.
Я дни ищу...
Как быстро убежали
Они вослед
Идущим от меня!

1982

ЛИЦА

**Бывают такие лица,
В которых даже за полночь
В глазах остаются блики
От восходящего солнца.
Шагаю дорогой пыльной,
Гудят усталые ноги.
Но верю я в эти лица,
И делают их не боги.**

1983

ВОСПОМИНАНЬЕ

Я хочу с тобой одной
Посидеть у дома старого,
Дом стоит тот над рекой,
Что зовут воспоминаньем.
След ноги твоей босой
Пахнет солнцем
Лета прошлого,
Где бродили мы с тобой
По траве, еще не кошенной.
Голубели небеса,
Исчезая за околицей,
И звенели голоса,
Вот и все,
Что мне запомнилось.
И отсчет всех дней
Подошел к концу.
Стаей птиц
Все дни
Собрались у ног.
Покормить их чем?
Не осталось строк...

1981

ГОЛОС

По аллеям парка
Шариком хрустальным
Голос твой звенящий
Обогнал меня.

Пробежал по крышам,
Пробежал по листьям,
В шорохе осеннем
Музыку поймал.

Вдруг остановился
Возле той скамейки,
Где стоял разбитый
Уличный фонарь.

Шарик твой хрустальный
Заискрился смехом.
И фонарь разбитый
Вдруг светиться стал.

1981

* * *

Не слушайте уличных фонарей —
Они укладывают спать.
Забудьте грусть.
Наступит час,
Когда уйдет беда, печаль
И звезды позовут к себе.
Не слушайте уличных фонарей —
Они укладывают спать.

1981

УЛИЦА

Убегает улица
Вверх.
И поймать ее —
Просто смех.
Побегу я за ней
Вдаль.
Оглянусь вдруг назад —
Жаль.
Жаль оставленный мной
Дом,
Маму, плачущую
За окном.
Плеск волны у меня
За спиной,
Лай собаки, бегущей
За мной,
Убегай-ка, улица,
Ты одна.
Ведь тебе-то я
Не нужна.

1980

ЛОЖЬ

«Ты нам нахально лжешь», —
Все говорят вокруг.
Но врут они,
Не ведая, не зная,
Что ложь моя
Сложилась из трамвая,
Который вдруг
Увез меня в страну,
Неведомую вам,
Увез из шороха намокнувшей листвы,
Которая дрожит тревожно
На тонком дереве у дома.
Из лиц,
Которые порой
Бывают одиноки страшно.
Из речки,
Вдруг разбуженной
Потоком гремящих вод.
Из маленькой девчонки,
Которая все не находит дома.
Из веры, что порой
Для многих
Пахнет ложью.

1981

* * *

По гулким лестницам
Я поднимаюсь к дому.
Как ключ тяжел,
Я дверь им отопру.
Так страшно,
Но иду безвольно
И попадаю сразу в темноту.
Включаю свет,
Но вместо света лижет
Меня огонь,
Палящий и живой.
Я отраженья в зеркале
Не вижу —
Подернуто оно
Печальной пеленой.
Окно хочу открыть —
Стекло, смеясь
И холодом звеня,
Отбрасывает
В сторону меня.
И я кричу,
От боли сводит щеки,
Слеза бежит
Сквозь сонные глаза.
И слышу шепот,
Тихий мамин шепот:
«Проснись, родная,
Не пугайся зря».

1983

ДЕНЬ РОЖДЕНИЯ

Нечаянно я забыла
День рожденья своего.
А может быть, нарочно не хочу
Я часовую стрелку повернуть
Обратно в детство.
Боюсь я потерять
Ту тайну жизни,
Что бережно мне
Отдавали люди,
Забыв себя...

Сломав цветок,
Не вырастишь его.
Убив ручей,
Воды ты не напьешься.
Я семь ступеней
Жизни прохожу,
Но не могу понять,
Которая из них —
Мой день рожденья.

1981

НЕ Я ПИШУ СВОИ СТИХИ?

Не я пишу свои стихи?
Ну хорошо, не я.
Не я кричу, что нет строки?
Не я.
Не я боюсь дремучих снов?
Не я.
Не я кидаюсь в бездну слов?
Ну хорошо, не я.

Вы просыпаетесь во тьме,
И нету сил кричать.
И нету слов...
Нет, есть слова!
Возьмите-ка тетрадь
И напишите вы о том,
Что видели во сне,
Что стало больно и светло,
Пишите о себе.
Тогда поверю вам, друзья:
Мои стихи пишу не я.

1982

* * *

Я играю на рояле.
Пальцы эхом пробежали,
Им от музыки тревожно,
Больно и светло.
Я играю на рояле,
Слов не знаю,
Нот не знаю,
Только странно
Мне от звука,
Что наполнил дом.
Он распахивает окна,
В вихре закружил деревья.
Перепутал
Утро с ночью
Этот тайный звук.
Я играю на рояле,
Пальцы тихо замирают.
Это музыка вселенной —
Тесен ей мой дом.

1983

* * *

Так день далек,
Как ночь,
Когда гроза.
Когда глаза
Не могут видеть
Капелек дождя,
Но ловят их
Губами
У порога дома.
Как руки,
Которые не могут
В темноте найти стены
И натываются на двери в день,
Который так далек...

1982

* * *

Вы умеете пальцами слушать дождь?
Это просто!
Дотроньтесь рукой до коры дерева,
И она задрожит под вашими пальцами,
Как мокрый конь.
Дотроньтесь рукой
До оконного стекла ночью.
Вы слышите?
Оно боится дождя,
Но оно должно охранять меня
От мокрых капель.
Я поглажу капли пальцами
Через стекло.
Дождь!
Двери!
Послушай, дверь,
Отпусти меня!
Улица полна звона ручьев.
Я хочу пальцами услышать дождь,
Чтобы потом написать музыку.

1981

МАМЕ

Я надеюсь на тебя.
Запиши все мои строчки.
А не то наступит точно
Ночь без сна.
Собери мои страницы
В толстую тетрадь.
Я потом
Их постараюсь разобрать.
Только, слышишь,
Не бросай меня одну.
Превратятся
Все стихи мои в беду.

1983

КАЛЕЙДОСКОП

Антону Ежову

Ребенок взял калейдоскоп
Глазок в глазок, и вмиг
Рассыпался
Весь безголосый мир
На разноцветный крик.
Он строит
Замки для царевен,
Зеленую луну.
Разрисовал
Весь шар земной
Оранжевой травой.
Смотри, малыш,
В твоих руках
Не только семь цветов,
Планета —
Дней калейдоскоп.
Твой взгляд —
Ее лицо.

1983

* * *

М. Луговской

Вы проходите по ночи.
Сосны гулко зашептали:
«Не вернуть назад столетья
И секунду не вернуть.
Все часы замолкли разом,
Колокол гудит набатом,
Вырывается из сердца
Поминальный стон.
Подождите, не спешите,
Руку ветру протяните,
Время не для Вас.
У скалы живое сердце
Бьется маяком надежды,
Этот свет неугасимый
Охраняет Вас».

1983

ДОМ ПОД КАШТАНОМ

Ю. Семенову

На пыльной дороге
Изранены ноги.
Путник бредет
По пыльной дороге.
Под солнцем палящим
Вперед, и вперед, и вперед.
Рука одинока,
Подернуты болью глаза,
Слеза ли от горя,
Иль просто от ветра слеза.
Но знаю,
За морем,
В неведомом, тайном краю,
Есть дом под каштаном.
Я к этому дому иду.

1983

* * *

Я тороплюсь скорей туда,
Где ждет
Меня король.
Прошло три года
И три дня,
На сердце его боль.
И я вернулась,
А ключи
Уже не к тем замкам.
И дверь
Закрыта на засов,
И милого нет там.
Холодный ветер
В спину дул,
И слезы жгли лицо.
Он ждал три года.
Я пришла,
Забыв его лицо.

1983

Я ОБМАНУЛА ВАС

Я обманула Вас,
Что миг бывает вечность.
Что с перелетом птиц
Кончается тепло.
И позабыты мной давно
Ночей волшебных заклинанья,
Что радость так близка —
Дотронешься случайно,
Ладонь твоя
Поднимет шар земной.
Я обманула Вас?
Нет!
Подарила тайну,
Которая известна
Мне одной.

1983

* * *

Я закрываю день ресницами,
Но почему-то мне не спится.
Я думаю о дне ушедшем,
Но не дошедшем
До встречи с ночью.
Об улицах, замученных людьми,
О фонарях,
Которые светить устали.
О доме том,
В котором я не сплю,
Но сон тревожной серой птицей
Подлетает вдруг ко мне
И захлопнул мне ресницы
На заре.
Просыпайся ты, малышка,
В утро-рань
И увидишь — отдохнул
Твой фонарь.
Смех заполнил перекрестки дорог,
И до вечера день далек.

1981

* * *

Птицы
Только парами
На юг летят.
Одиночкам
Крылья подрезают
Или просто молча убивают.
И тревожно
Протрубит вожак.
Ты живым
Остаться хочешь, милый,
Прячешь клюв
Под белое крыло.
Осень ветром
Хмурым закружила,
А тебе
Так хочется
В тепло.

1983

* * *

Лица уходят из памяти,
Как прошлогодние листья.
Осень оставила только
Утра хмурого привкус.
Лица уходят, но изредка
К сердцу подходит холод.
Вспомнятся желтые листья.
Это как встреча с болью,
Это как встреча с прошлым,
С чьим-то портретом разбитым.
Горько от настоящего,
Страшно жить позабытым.

1983

* * *

О, как мы редко
Говорим друг другу
Надежные и нужные слова!
Поэтому найти
Так трудно друга,
Поэтому одна.

Так хочется
Дарить цветы —
Считаю потно мелочь.
Как хочется
Поджечь мосты
И позабыть,
Что надо делать.

1983

ЛОШАДИ В ПОЛЕ

Лошади в поле,
Трава высока.
Лошади в поле
Под утренним светом.
Быстро росинки бегут до рассвета,
Надо успеть напоить всю траву.
Лошади в поле,
Цокот копыт.
Тихое ржанье,
Шуршанье поводеёв.
Солнце, как шар,
Отплыв от земли,
Теплые пальцы
К гривам подносит.
Лошади с поля уйдут,
Но до ночи
В травах примятых
Останутся точки
От конских копыт.

1981

* * *

В. И. Николаевой

Я поверила взгляду,
И не нужны слова.
Я поверила сразу,
Что бывает слеза
Солоней боли черной,
Слаще детского сна.
Загорится вполнеба
Голубая звезда.
Не держите в ладонях
Мотылька на огне.
Превратится в бессмертье
Жизнь его
На заре.

1983

* * *

Я — полынь-трава,
Горечь на губах,
Горечь на словах,
Я — полынь-трава.

И над степью стон
Ветром оглушен.
Тонок стебелек —
Переломлен он.

Болью рождена,
Горькая слеза
В землю упадет...
Я полынь-трава.

1982

* * *

Я трамваем не поеду,
Осень рельсы замечает.
Я останусь просто дома
У раскрытого окна.
Соберу в ладони звуки,
Как туманы собирают
Утром дворники в корзины,
Поторапливая день.
Ветер листьями закружит,
Не спуститься по ступенькам.
И захлопнется окошко,
Битым зазвения стеклом.
Я трамваем не поеду,
Звуки осень обгоняют.
Я останусь просто дома
У разбитого окна.

1983

ЧЕТЫРНАДЦАТЬ СЛЕЗИНОК

Четырнадцать слезинок
На твоей щеке.
Четырнадцать дождинок
На мокром стекле.
Уедешь, не приедешь —
Гадай, не гадай,
Ты повернешься к двери,
Прощай!
Прощайте, ожиданья,
Не разомкнуть нам рук.
Я не люблю прощанья —
Тревоги круг.
И будет боль от встречи,
Которой не бывать.
Четырнадцать слезинок
Не стоит забывать.

1982

* * *

Утром, вечером и днем
Думай только лишь о том,
Что на город ночь садится,
Словно филин за окном.
Утром, вечером и днем
Ночь тихонько входит в двери,
Ноги вытерев у входа,
Будто опасаясь встретить
Лучик дня,
Который прыгал
Час назад по одеялу.
Утром, вечером и днем
Думай только лишь о том,
Как ночами страшно воет
Ветер, что живет в трубе.
Как врывается он в окна,
С криком разбивая ставни,
Листья желтые прилипнут
К мокрому от слез стеклу.
Не люблю я ночью думать
О тревожных, страшных сказках,
Буду лучше засыпать я
Утром, вечером и днем.

1981

* * *

Я затеряюсь в тумане,
Как маленькая звездочка
В небе.
Я затеряюсь в тумане,
И нет до меня
Никому дела.
Но я иду вперед
Потому,
Что верю в свою дорогу,
Она непременно
Меня приведет к морю.
Там сходятся все пути,
И горькие,
И по которым легко идти.
И я отдам
Морю свою звезду,
Которую бережно
Несу в ладонях.
Это — мое будущее,
Но оно такое большое...
Мне его трудно
Одной нести.

1983

* * *

Я год хочу прожить
Как миг,
Хочу я время
Превратить в минуту.
Хочу, хочу, хочу!
Но почему я вижу
В страхе вскинутые руки?
Я не хочу
Так быстро жить!
Кричит планета, задыхаясь.
Мой долгие век,
И я стараюсь
Добро творить.
О, люди!
Я прошу забыть вражду
И помнить радость встречи,
Пусть реки зашумят
Прозрачною водой,
И добрый дождь пройдет
Пусть здесь,
Не стороной.
А миг?
Пусть будет
Миг рожденья,
А не смерти.

1983

ТРИ АПЕЛЬСИНА

...Три апельсина
В синей косынке
Я принесу домой.
А город пахнет
Бензином и холодом,
Дую на пальцы,
И вдруг
Три апельсина на мостовую —
Солнечный круг.
Ноги, колеса,
Коляски по слякоти...
Только горят
Три апельсина
На синей косынке,
Небо и сад.

1983

КУКЛА

Я как сломанная кукла.
В грудь забыли
Вставить сердце.
И оставили ненужной
В сумрачном углу.
Я как сломанная кукла,
Только слышу, мне под утро
Тихо сон шепнул:
«Спи, родная, долго, долго.
Годы пролетят,
А когда проснешься,
Люди снова захотят
Взять на руки,
Убаюкать, просто поиграть,
И забьется твое сердце...»
Только страшно ждать.

1983

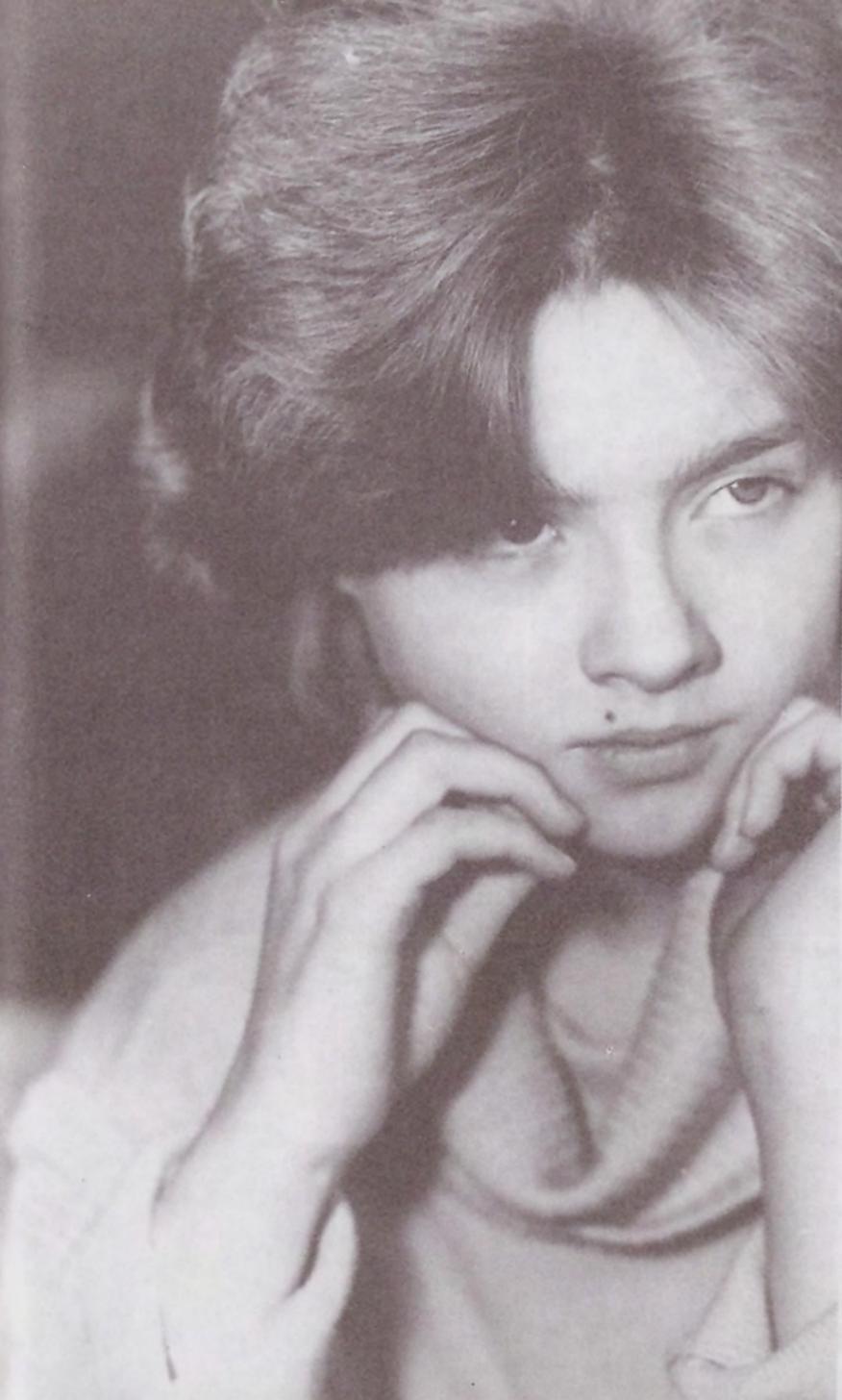
* * *

Л. Загудавой

Не спится мне,
И времени не спится.
И тяжесть дня
Не даст
Сомкнуть ресницы.
Но непослушен,
Как он непослушен,
Мой проводник
По сумрачным лесам.
— Не спорь,
Устала ты, —
Я слышу тихий шепот. —
Не бойся ничего,
Иди за мной.
Там дивные сады
И вечный день,
И дождь совсем
Не колкий.
Там целый год
На новогодней елке
Подарки дарит
Детям Дед Мороз.
И не уколется
Душа твоя
О лица злые,
Увидишь бал цветов,
Он будет для тебя.
Я это счастье
Не дарю другому.
И будет вечен сон,

Так лучше для тебя.—
Не спится мне...
Пусть лучше
Мне не спится!

1983

ИЗ КНИГИ «СТУПЕНЬКИ ВВЕРХ, СТУПЕНЬКИ ВНИЗ...»

NG KHIN

С учительницей
Людмилой Васильевной
Лушниковой, 1985 г.

* * *

Алая луна,
Алая луна.
Загляни ко мне
В темное окно.
Алая луна,
В комнате черно.
Черная стена,
Черные дома.
Черные углы.
Черная сама.

1980

* * *

Собака сидит на цепи.
И горе, страданье
В болящих глазах.
И сердце собачье кричит:
«Я — человек!» —
«Ну, милый, ну, серый,
Страдаешь ты болью и сердцем.
Нет друга у тебя,
Никто тебе не поможет». —
«Пусть лучше я умру.
Умру, погибну от тоски.
О, друг!
Приди, спаси от смерти.
Дай руку,
Уведи к друзьям.
Приди, миг радости и счастья».
...Проснулась утром я,
А солнце стоит
В глазах погибшей
От тоски собаки.

1980

ПЕВИЦЕ

Камбуровой Елене

Сердце палочкой дирижера
Стучит по раненому микрофону.
Сердце палочкой дирижера
Душу рвет на свободу.

Сердце поет и плачет,
Сердце просит защиты.
Палочкой дирижера
Сердце мое пробито.

Август 1981

* * *

День утонул в ночи.
Улицы спят в дожде.
Дом превратился в тень.
Еле заметен столб.

Комната без углов.
Стулья во сне скрипят.
Им неуютно в дождь
Возле стола стоять.

Милый, любимый пес,
Ты почему не спишь?
Я подойду к тебе,
Ночь отведу от глаз.

Вспомним с тобою день.
Солнца размах лучей.
Звонкую звень ручья.
Вот и проснулась я.

1981

* * *

Я слушаю дождь
По пальцам своим.
Капельки собираются
В моей ладошке
И, замолкая, превращаются
В огромную слезу.
Как больно ты плачешь, небо!
Я отнесу твою слезу
Моему коню.
Он устал с дороги,
Он храпит.
И земля у его копыт
Превратилась в грязь.

1981

* * *

Дождь размазал
Всю картинку у меня.
Там бежали две росинки,
А теперь одна.
Там смеялись
Хором дети,
А теперь бегут
По щекам их слезы
Цвета радуг на лугу.
Все снежинки
Превратились
В капельки дождя.
Вся картинка
Убежала от меня.

1981

* * *

Вознесенскому А. А.

Однажды в снег
К нам пришел человек,
Он был похож на стихи.
Нас было четверо,
Нам было весело.
Был жареный гусь
И не пришедшая
Еще ко мне елка.
А он был одинок,
Потому что был
Похож на стихи.

1981

**ПРАВИЛА ПОВЕДЕНИЯ
ЗА СТОЛОМ**

Вы сядете за стол,
Подумайте о том,
Как должны сидеть
И куда глядеть.
Локти пусть
Войдут Вам в бока.
Но молчите, Вы, публика!
Не стучите Вы
Вилкою о нож,
Ведь охватит всех
Голодающих дрожь.
И застрянет у них
В глотке кусок.
И уйдешь ты вон.
Грустен был урок.

1981

Я СЕРДЦЕ СВОЕ НАХОЖУ В ТРАВЕ

Я сердце свое нахожу в траве,
В капле дождя, в звоне ручья
И даже в стекле, в солнца луче
Сердце свое нахожу.
Оно бежит от меня вприпрыжку,
Как мяч по ступенькам,
Как непослушный ребенок,
У которого сердце
Всегда на месте.
А мое сердце
Не хочет быть со мной.
Я просыпаюсь утром
От крика воздуха,
А не от стука сердца.
Я постоянно живу и жду...
И только когда мне тяжело,
Когда слезы
Превращаются в огромную боль, —
Я слышу сердца стук.
Значит, я должна всегда страдать?

1981

БАБУШКЕ ЛЮДЕ

Я вышла в сад,
Ждала тебя
И думала,
Когда же ты придешь,
Любимая моя?

С тобой хочу
Шорох слышать дождя,
Каплями пить росу.
Хочу засветло выйти в день,
Чтобы грусть разогнать твою.

1981

* * *

И. Л. Пруту

Карты, кольца,
Кольца, карты
Убегают из-под пальцев.
Улыбается лучисто
Добрый сказочный волшебник.
Но волшебники приходят
Только к ночи.
Скрипнут дверью.
Сказку впустят через щелку
И уйдут,
Оставив только
Шорох сонной занавески.
Мой волшебник обещает
Дверь свою
Открыть всем настежь.
Распахнуть навстречу людям
Сердце, душу
И не прятать
Тайну молодости духа.
Унести с собой далеко
Слезы, беды и печали.
Посидев со мной у моря,
Боль мою отбросить в волны.
И построить мне волшебный,
Весь дышащий солнцем замок.
Нет, не надо обещаний!
Просто верю я, что будет
Добрый сказочный волшебник
Улыбаться мне лучисто.

1981

СКАЛА

В. Луговскому

Море гудит, море шумит,
Сердце твое родилось, поэт,
В пене морской, в солнца луче.
...Время идет, умер поэт.
Сердце твое в море уйдет.
Но есть здесь скала,
С морем она,
С ветром она
Просит тебя:
Сердце свое в камне оставь!
...Люди идут тихо к скале,
Солнце спешит тоже к скале.
— Ты здесь рожден,— сердце стучит.
— Буду я жить!
Вечно я жив.

1981

ЭТЮД

Море куполом под ногами,
Солнце в горы уходит спать.
Море, тихо шурша губами,
Обнимает волной маяк.
Мы спускаемся быстро к дому,
Чтобы ночь обогнать в пути.
Засыпая, блестя огнями,
Город мой утонул в ночи.

1981

ОТЦУ

Ты придешь ко мне чужой,
Нет ключа от нашей двери.
В голос твой я не поверю.
Ты не мой!
Непохожи мы с тобой,
Зеркало не врет.
И не надо слов ненужных,
Сердце обожжет.
Мама вся в комок сожмется.
Уходи!
Дверь захлопни потихоньку
И беги!
Все надежды превратились
В каплю слез.
Ты уходишь, ты торопишься,
Ну, что ж!
Подойду к окну
И детству я скажу:
Прощай!
Возвращайся в край надежды,
Улетай.

Декабрь 1981

**ПОГИБШИМ В 1943 ГОДУ
В ЭЛЬТИГЕНЕ**

Дедушке

Я слышу голоса больные,
Глухие, всем ненужные, чужие.
Я вижу руки, в страхе вскинутые,
И лица, в боли опрокинутые.
На дне лежат они морском,
И медленно над ними
День угасает.
Его не видно за толщей вод.
Они кричат,
Но голос их так глух в воде,
Что слышен только гул прибоя,
И болью их наполнен воздух.
И берег мертв.
Трава и камни от страха
Все оцепенели,
Боятся волн они,
В которых мольба о помощи
И мука в морских глазах.
И будет вечно так плакать море,
Просить пощады для всех погибших.
И будет берег, дрожа от страха,
Молчать, отбросив стоны в море.

1981

ПРОЩАНИЕ

Раскиньте крылья, птицы,
Летите до весны,
Но помните в полете,
Откуда вы.
Пусть ветер вам вдогонку
Напомнит вдруг о том,
Что дом наш здесь,
За логом, и за рекою дом.
Что луговые травы
Всегда для вас.
И гроз раскаты яры
Для вас.
И, улетаю к югу,
Вы думайте о том,
Что нужно вам вернуться
В родимый дом.
Твое гнездо исчезло,
Ну, что ж!
Ты снова
Ветку к ветке сплетишь.
И снова твои дети
Взмахнут крылом.
И щебетом счастливым
Наполнится твой дом.
И, улетаю к югу,
Вдруг оглянись назад,
Пройди прощальным кругом
И дом, и лог, и сад.

1981

СИНЯЯ ПТИЦА

В самую полночь
Дверь отворится.
И прилетит вдруг ко мне
Странный волшебник,
Синяя птица
В образе детства,
На легком коне.
Он прилетает с рифмой скользящей,
Ну-ка попробуй, поймай.
И, ускользя, голос манящий,
Слышу, зовет меня вдаль.
В даль одиночества,
В даль расставаний,
В слезы, прощанье
И радость потерь.
Всадник, летящий
С рифмой скользящей,
Ты в наговоры не верь.
А попроси у меня на прощанье
В час недомолвок,
В час звездной зари
Маленький дар —
За крылатую рифму
Сердце мое забери.

1982

СКАЗКА СОВРЕМЕННАЯ

В царстве самом небольшом,
Где ночует днем Жар-птица,
Где царевна ночь томится,
Вырос дуб,
Могучий дуб.
На дубу сидит царевич,
Нету силы слезть на землю.
Нету силы крикнуть в голос:
— Эй, придите вы на помощь!
И сидит он день и ночь,
Некому ему помочь.
Вдруг, откуда ни возьмись,
Злодей,
Выпускает он добычу из когтей.
И летит к царевичу,
По ветру качаясь,
Аленький цветочек,
В синий превращаясь.
Подхватил царевич
Легонький цветочек
И услышал шепот,
И услышал голос:
— Ты спустись, царевич,
С дуба векового.
Распрями ты плечи
И ступай далеко.
Ты спаси царевну,
Ты поймай Жар-птицу,
И тогда увидишь,
Что с тобой случится.
Но царевич только
Замахал руками:
— Ой, хочу сидеть я
На дубу высоком.

Не хочу царевны,
Не хочу Жар-птицы,
А хочу я только спать,
И пусть мне снится,
Что спустился с дуба,
Стал я очень сильным,
Победил злодеев
И живу счастливым.

1982

* * *

Ребенок учится ходить,
Ему нужна рука.
Ребенок учится писать,
Рука ему нужна.

Бегут минуты и часы,
Мы стрелки подведем.
И вырастает человек,
И за руку вдвоем идет.

И раннюю зарю
Встречает он любя.
И руки к солнцу протянул —
Надежда велика.

Ребенок учится ходить,
Один он упадет.
И за собой его рука
Во все века ведет.

Январь 1982

РАЗМЫШЛЕНИЕ

Ночью лампа говорит о том,
Что приходит день,
Полный грохота,
Что проснутся все.
Улыбаться лень.
Нужно жить начать!
Только вот зачем?

Чтобы день дышал
Шумом детворы,
Шорохом всех трав,
Ропотом листвы.
Чтобы я могла,
Приоткрыв глаза,
Обхватить весь мир,
Радостью дыша.

1982

* * *

Разбита машина,
Стертые шины.
Разбили машину!
Стекло ветровое —
Рука на отвесе.
Оплаканы лесом
Цветы полевые.
Кулак разожмите,
Как слезы ромашки.
Разбили машину!
Машину убили,
Найдите ту трассу.

1982

* * *

Поэме А. Вознесенского «Лед-69»

Подарите мне «Лед-69»,
Чтоб оттаял он в 74-м.
Подарите пригоршню снега,
Превратив его в луч солнца.

Подарите бывшее утро,
От которого Вы устали.
Подарите льдинку будущего,
Что в глазу дрожит, как хрусталик.

Время шаром звенящим вырвется,
96-й не скоро.
Ускользящий в вечность поезд
Задержу я своей рукою.

1982

* * *

За окном метель,
Белый снег кружит.
За окном смело,
Завертело жизнь.
Опрокинут день,
Заметен в сугроб.
И летит, как тень
Белых куполов,
Стая снежных слов.
Белые слова,
Льдинками застряв
В сердце у меня,
Таять не хотят.

1982

* * *

Пересадила сердце тем,
Кому больней живется.
Чаще бедой наполненная чаша
Бывает выпита до дна.
Но матери лицо родное,
Морщинка горькая у рта
В тебе не отзовется горем.
И переполнена душа
Весельем, радостью и смехом.
И места не осталось там
Знакомым, горестным чертам.
Не торопитесь соглашаться
Живое сердце кинуть в таз.
Года прожитые — не час,
А вечность.
И нельзя с нуля жизнь начинать
Средь бела дня.

1983

* * *

Я учу говорить маленького человека.
Он смешон и неуклюж.
Но я учу его слышать слова:
Правда, вера, мир.
Время нельзя остановить.
Очень скоро он сам сбежит по ступенькам —
И весь мир будет только его.
Поэтому я должна спешить.

1983

* * *

Холодом подернут след,
Но иной дороги нет.
Не вернется день,
И мгла съедает свет.
И стоит перед тобой
Полустанок бед.
Стынут пальцы.
Не вернуть назад дней,
Что по проталинам звенят.
В сердце замирает поздний след.
Под ногами стынет талый снег.

1983

ДЕВОЧКА-СОН

Она, девочка-сон,
Живет только во тьме.
А днем стоит, повернувшись к стене.
И только ночью попадает в страну,
Где каждая сказка живет наяву.
Я в этот мир попадала не раз.
Но девочка — сон,
А я среди вас.

1983

* * *

Колки пальцы,
Как у веточки сосны
Накрахмалены иголки до весны.
Колки пальцы,
Растают лишь зимой,
Разутюжена дорога мостовой.
И по скользкому по льду
Так хочется бежать,
Только пальчики-иголки
Не хотят пускаться.
Они ждут,
Когда ударит жгучий свет,
И тогда по льду
Дороги нет.

1983

* * *

Семь мной разбросанных страниц,
Семь дней прожитой жизни.
Как вспугнутая стая птиц,
Деревья к небу ближе.
Страницу скомкаю,
Она
Прошедшим дням уж не нужна.

1983

* * *

Раскачайся на качелях,
Подними лицо.
И увидишь
Над тобою
Лес-кольцо,
Под тобою
Неба даль,
Птицы взмах крыла.
Я видала это все,
Но когда?
Где прочла,
Увидела ль в кино?
Вспомни, ну же...
Отворила ты окно,
Солнца луч
По глазам пробежал.
Оторвал от земли
И поднял,
Раскачал на качелях
Ветров,
Заслоня плечом
Детства зов.

1983

* * *

Как хочется
Укрыться одеялом
И заново обдумать день,
Который пробежал
Так быстро,
Был заполнен
Людьми, бумагами
И шумом городским.
Я время ощущаю
Только ночью,
Тогда мне слышен
Гулкий бой часов.
Секунды собираются
В минуты,
И тьма распахивает
Створки окон.
Я слышу время!
Вот оно идет
По Красной площади,
Сворачивает влево
И заполняет сразу
Полземли.
Я слышу крик ребенка.
Он родился на счастье?
Нет, не знаю,
Может быть, на боль.
Об этом мне расскажет
Только утро.
А я хочу
Увидеть ночью мир.
Ты спи, Земля,

Такая голубая,
Такая невесомая, земная.
Я буду вечным
Сторожем твоим.

1984

ЗВОНАРЬ

...И стоит над землей
Колокольный звон
От былых времен
До былых времен.
И кровавый закат
Над рекой навис,
И упал бы я
С колокольни вниз.
Нету сил звонить.
Мертвый город мой,
Подожгли его.
Только бабий вой
По реке плывет,
Да забытый конь
Тихо воду пьет.
Но звонит звонарь
Уже сотни лет.
Колокольный звон —
Попутчик бед.

1984

* * *

Не надо
Спрашивать меня,
Зачем живут стихи больные.
Я понимаю,
Лучше было
Иметь запас здоровых слов.
Но что поделаешь,
У снов нельзя спросить,
Зачем приходят.
Зачем ночные палачи
Из ножен вынули мечи
И на меня идут гурьбою.
Зачем толпятся у дверей
Недетской памяти моей
Слепые, загнанные люди.
Огонь сжирал десятки судеб.
Но разве появился тот,
Кто на себя
Все зло возьмет?

1984

* * *

Что останется после меня?
Добрый свет глаз или вечная тьма,
Леса ли ропот, шепот волны
Или жестокая поступь войны?
Неужели я подожгу свой дом,
Сад, который с таким трудом
Рос на склоне заснеженных гор,
Я растопчу, как трусливый вор?
Ужас, застывший в глазах людей,
Будет вечной дорогой моей?
Оглянусь на прошедший день,
Правда там или злобы тень?
Каждый хочет оставить светлый след.
Отчего же тогда столько черных бед?
Что останется после тебя,
Человечество,
С этого дня?

1984

* * *

А. Н.

Зачем все время говорить о том,
Что плох мой дом.
И тему пора сменить в стихах.
И стены, что стерегут мой сад,
Уж лучше заменить замком английским,
Если денег не хватает на собаку.
Что глупо каждый раз идти в атаку
На ветряные мельницы одной.
И что ко мне приходят не домой,
А в гости, торопясь скорей на волю.
И людям приношу я только горе.
Зачем тогда приходите опять
Туда, где уже нечего искать?

1984

* * *

Не дозвонились
До меня друзья.
А может, просто
Денег не хватило.
Но опустела вдруг
Моя квартира.
Как много дней
Я прошлым здесь жила,
Но отрывала лист календаря,
Чтоб убедиться,
Как бегут недели.
Все улицы запутаны метелью.
Не дозвонились
До меня друзья.

1984

ЗАСУХА

Такая засуха в стихах,
А хочется воды напиться
И расплескать ее в строках.
Такая засуха в душе,
Что стало миражом
Живое лицо твое.
И даже море
Похоже на сухой песок.
Такая засуха во всем,
Что окружало нас с тобою.
И вырваться нельзя на волю,
Не оживив умерших слов.

1984

* * *

Азбука Морзе —
Точка — тире.
Азбука Морзе,
Дайте мне
Как можно скорее
Сказать,
Что я
Потерян во времени.
Беда не моя,
Что я утомился
От ритма дня.

1984

* * *

Перевели стихи
На языки чужие.
Так переходят
Улицу слепые:
Им кажется,
Что, ощупью идя,
Они спасают
От беды себя.
Чужие языки —
Слепые строки.
Им нужен проводник,
Иначе нет дороги.

1984

НЕРОЖДЕННОМУ

Спи, мой брат,
Я твоя колыбельная.
Одеяло твое —
Белый снег полей.
Под подушкой —
Разлив голубых морей,
Будет светлой дорога твоя —
Я все боли себе взяла.
Ты усни,
А я посажу цветы.
Только им
Доверяй свои детские сны.

1984

СПАСИБО

Спасибо за то,
Что распахнуты лица,
Что плачу
И слезы у вас на плече.
Что сердце вполнеба,
И души, что птицы.
Спасибо за то!
Я верю,
Что утро родится на счастье —
Я ночь тороплю.
И знаю —
Надежда погубит ненастье,
Я верю в судьбу.

1984

ДРЕВНИЙ РИМ

Молчат пустые города,
Но путь мой только лишь туда.
В пыли, усталая, бреду.
Глаза потухшие витрин.
Здесь улицы, как поезда,
Жаль, стрелочник их позабыл.
Где, кто, когда, в какие дни
Здесь был?
Свинцовой пеленой
Висит молчанье надо мной,
И не вернуться мне домой.
И мне не надо платья,
Чтоб,
Как в былые времена,
Мне говорили: «Как мила!»
Соленый ветер, пот и пыль
Съедают кожу мне до дыр,
Но некому тут плакать,
А если слезы на глазах,
То не услышу где-то:
«Ах, над ней висит проклятье»...
Пуст город!
Это, видно, дом,
Где не ужиться нам вдвоем.

Италия 1985

* * *

И горек моря аромат.
И краб ленивый у воды
Все пятится назад.
Босые ноги на песке,
Следы остались вдалеке.
Когда простор перед тобой
Такой певучий, голубой,
Не страшно быть
Самим собой.

Италия 1985

* * *

Джино

В маленьком ресторанчике,
Где терпко от запаха моря,
Звучит итальянская песня,
О чем-то поют двое.
Плиты, от солнца горячие
Даже сквозь босоножку,
И под столом бродит
За день уставшая кошка.
Лениво вино льется
В синеющие фужеры,
Нам было так спокойно.
Как быстро минуты летели.

Италия 1985

* * *

Запеленали город мостами,
В каменном платье
Венеция встала.
Ей ожерелье из белых домов
Брошено под ноги.
И островов не сосчитать,
Даже ночи не хватает.
Так отчего эта женщина плачет?

Венеция 1985

* * *

Город похож на раковину,
Слышишь протяжное «у-у-у».
Ухает море радостно
На берег поутру.
Галька похожа на мидию,
Чуть солонит губы,
И синева неба —
Из васильков клумба.
Брызги, как крик чаек,
Не соберешь вместе,
И итальянским солнцем
Ты обжигашь плечи.

Италия — Абруцце 1985

КОЛИЗЕЙ

Собирал Колизей
Много веков
Друзей и врагов.
И стоит у стен гул,
Камень до сих пор
Не уснул.
Проведу рукой
По ступеням лет,
Отпечатала эпоха
Здесь свой след.
Дикой кошки
Узкие глаза
Полоснут меня
Поострей ножа.
И не хватит сил
Повернуть назад —
На разрушенной стене
Вороны кричат.

Рим 1985

ЗОЛОТАЯ РЫБКА

Золотую рыбку обманули:
Все ее дары назад вернули.
Даже те слова,
Что о любви сказала,
Мы назад отдали —
Горькое начало...
Отчего же снова
С берега крутого
Мы с мольбою смотрим,
Ожидая слова?

Италия — Ялта 1985

ЧУЖИЕ ОКНА

Чужие окна —
Немое кино.
Темно на улице —
В кадре светло.
Молча кричит ребенок,
Не я его качаю.
Бьется посуда к счастью,
Не я его получаю.
И в зале полно безбилетных
На этом сеансе молчанья.
Мое окно звуковое,
Подернуты стекла печалью.

1985—1987

* * *

Горьких слез не надо.
Утром улица длинна,
И колючим поворотом
Я отделена
От того, что было счастьем,
Тайным сном,
Но оставили несчастье
Мы вдвоем.
Опустела та скамейка
У реки.
Листья желтые
В охапку собери.

1985—1987

* * *

Хмурое утро.
Холодным дождем
Горько вдвоем.
Лампочка днем
Отливает бедой,
К двери идешь,
Я за тобой.
Снять позабыли
Пластинку ночи,
Вот отчего
Путь к разлуке короче.

1985—1987

* * *

Наговори мне целую кассету
Веселых слов
И уезжай опять.
Я буду вспоминать тебя и лето,
Ведь только клавишу нажать...
Чешуйками дождя покрыты,
Как две большие рыбы,
У причала
Стояли корабли.
Нас в них качало,
Как в люльке.
Это был не страх,
А счастье.
Тогда не ждали мы ненастья.
Оно пришло
Чуть-чуть позднее...
Нас позабыли,
Или мы забыли те корабли и улицы.
И дымом окутан город,
Он уже не наш.
Магнитофон собрал
Всю память нашу.
Нажму вот только пальцами на клавишу.

1985—1987

* * *

В озере черном плещет вода.
Всхлипнет у берега: где вы, куда?
Куда уплывают прошлые дни?
Долго в овраге молчат соловьи.
Лодка, как ворон старый, скрипит.
Ночью всегда что-то болит.
Брошены весла в сонные травы,
Нам не дожидаться здесь переправы.

1985—1987

* * *

«Раскиньте крылья, птицы»
Ника Турбина

**«Раскиньте крылья, птицы»,
Как время далеко!
По выцветшим страницам
Бежать вам так легко.
И говорить, что скоро
(Вы знаете, когда)
Напишется поэма,
А может быть, строка,
Которую не слышал
Весь белый свет.
Вам хочется услышать,
Но этого уж нет.**

1986

* * *

Как хочется бежать
По полю сладкому,
Раскинув руки белые,
Забыв себя.

Как хочется упасть
На землю мягкую
И в голос горько плакать,
Забыв тебя.

1985

* * *

Не побеждайте победителей,
Судьба им выпала на круге.
И выстрела на старте сила
Вас отдаляет друг от друга.
А побежденным — камнем в спину,
Терновником тропа устелена.
Непобедимы победители,
Но это до поры до времени.

1985—1987

* * *

Во вторсырье
Сдают журналы, газеты, книги... и стихи.
Несут старательные руки
Тугие, плотные тюки.
И на бумагу туалетную
Готовы выменять заветную
Строку, которой бредил мир.
У каждого ведь свой кумир.

1985—1987

* * *

О, как хрупка соломинка твоя.
Не доплывешь до берега другого.
А за рекою раздается снова:
— Не отпусти меня!

1985—1987

НИКИТСКИЙ БОТАНИЧЕСКИЙ

А в Ботаническом саду
Живет февраль.
Там хризантемы на корню
Срывают хмарь.
Как мглистым росчерком пера —
В Крыму — зима.
На безбилетные шаги
Тропа нема.
И привкус снега на губах --
То тает день.
Холодной тенью за тобой
Спешит метель.

1985—1987

* * *

Ты начал переписку
Сам с собой.
Торопишься скорей
Утешить совесть.
И все свои грехи
Свалить на повесть,
В которой ждешь
Хорошего конца.

1985—1987

КОЛЫБЕЛЬНАЯ

Подойду к окраине
Голубого шара,
Чтобы в руки мне
Тишина упала.
Облаком спеленаю
Милое детище,
Чтобы ветры-вороги
На пути не встретились.
Пусть отдохнет девочка
С бантами синими.
Ей поет колыбельную
Моя Россия.

1985—1987

* * *

Не забывайте добрые слова
И добрые дела
Не засыпайте хламом,
Иначе будет вам обманом
Предсказанная временем судьба.

1985—1987

* * *

В осенний сад,
Где листопад
(Ты будешь рад,
Мой друг),
Придут забывшие
Тебя,
Былое вспомнят
Вдруг.
Что годы
Быстро так бегут,
А дням числа уж нет,
Что можно было
Разыскать
Затерянный твой след.
И песню старую споют,
Да только боль
В словах.
Как хочется
Прийти туда,
Где столько лет назад
Веселье было через край,
Но гол осенний сад.

1985—1987

* * *

Стихи мои
Похожи на клубок цветных
Запутанных ребенком ниток.
Я утром их стараюсь разобрать
В отдельные красивые клубочки.
Но к вечеру,
Какая ерунда!
И пол, и стены, улицы, дома —
Все перепутано.
Слова похожи
На длинное цветное покрывало.
Нет,
На дорогу,
По которой мне предстоит
Катить клубок, свой век...
Так пусть запутает ребенок нити,
Нельзя идти одним прямым путем.
И цветом одним нельзя
Заполнить целый мир.
Пусть радугой окажутся слова.

1985—1987

* * *

Живую строчку не могу найти,
А ощущала я ее биенье,
Казалось,
Что стихотворенье готово,—
Там всего лишь восемь было слов.
И вот,
Как вспугнутая стайка снов,
Они исчезли,
Даже не оставив следа
На небе серо-голубом.
Душа мертва, как опустевший дом.
Я появленье стерегу строки,
Но фехтовальщик без руки
Врага не победит в бою,
Уж лучше мне убить строку мою!

1985—1987

* * *

*Композитору
В. Дашкевичу*

Вместо кнопки лифта —
Клавиши рояля.
На четыре ноты
Дверь ты отворишь.
Это бродит эхо
Гулким коридором,
С ним заговоришь.
Даже телефона
В комнате не слышно,
Ты — ничей.
Тенью осторожной
Я пройду по крыше,
Клавиши рояля
Закрывают дверь.

1985—1987

* * *

На улице какой живет друг мой?
Не помню, было ли ее названье
На доме том,
Куда не раз и в ранний,
И совсем уж поздний час
Я приходила.
Радостно встречал там меня
Лишь только старый, шаткий лифт.
Он поднимал до этажа шестого
И, грустно усмехнувшись,
Вниз сползал.
В том доме, думаю, меня не ждали,
А если дверь и открывали,
То только потому,
Что палец мой
Звонок их превращал в звериный вой.
И слышались в прихожей голоса,
И лаял пес.
Его я подарила на новоселье.
Он стал очень стар,
Меня он тоже так и не узнал.
...Я часто этой улицей брожу,
Но дом теперь нигде не нахожу.

1985--1987

ТЕНЬ

По улице бредет
Забывая мной тень.
Ей лень
Вернуться в дом.
А может быть, не хочет
Со мной опять
Начать свой день.

1985—1987

* * *

У слова есть всегда начало,
Хоть в боли сказано,
Хоть в радости.
Я в одночасье потеряла
Все буквы, что стоят в алфавите.
На перекрестке рифмы встретились,
Но светофора нет — авария.
Неужто мне уже отказано
Рассвет собрать в стихочитание?
И не найти былые строки,
Что были временем описаны.
Я по дорогам вечным странствую,
Но, оказалось, так бессмысленно.

1985—1987

* * *

Дом в деревянной оправе,
И не попасть туда,
Где за тенистым садом
Будет шуметь вода.
Где с колокольным звоном
Камень летит с откоса.
Осень неторопливо
Туго сплетает косу.
Где по дорожкам колким
Хвоя лежит подушкой.
И даже колючий ежик
Станет детской игрушкой.
Где отыскать калитку?
Чем отомкнуть засовы?
Может быть, этот домик
Мною был нарисован...

1985--1987

* * *

Молчалиником печальным
Становится мой день.
Глухо скрипят ставни.
Каждый, кому не лень,
Бросит в спину по горстке
Колючей прибрежной гальки.
Даже гудок пароходный
Эхом становится дальним.
Люди спешат мимо —
Что им чужие раны?
И молчаливый печальник
Ищет свои страны.

1985 – 1987

ЗАОЗЕРЬЕ

Заозерье, где тишь,—
Как хочу я туда.
За оконцем чуть слышно
Скрипят провода.
И листвою у крыльца
Тихо вечер шуршит,
Заозерье
Свою тишину сторожит.

1985—1987

* * *

Анастасии Цветаевой

Зарешечено небо
Тропинками судеб —
Миллиарды следов.
И надежда, что будет
Только то, что хотелось,
Что было светло.

Над землею холодное
Солнце взошло.
И расколоты судьбы,
Как грецкий орех,
Кто-то взял сердцевину,
А под ноги грех.

1985—1987

* * *

Е. А. Евтушенко

Евгений Александрович!
Хотелось написать
Цветным фломастером:
З — зеленым,
Д — красным.
Здравствуйте!
Но радуга цвета
Куда проще радуги слов.
Рев мотора, самолета зов.
Не хватило времени
Ни у меня, ни у вас,
Тайна одиночества —
Вечен час.
Вечен час встречи —
Будущее с нами,
Вечен разлуки час —
Горьки мои печали.
Да будут вечным билетом
Не написанные мной строки.
Последним вылетим рейсом,
Вам ли не знать дороги.

1985 — 1987

ГНОМ

На маятнике
Маленький гном —
Все в дом,
Всё в дом.
Время спешит —
Не шуми,
Двери открой и «ши-и».
Шины утихли,
Город спит,
Старый лифт уже не шумит.
Маленький гном
Выйдет во двор,
Этому гному
Нужен простор.
Улицы тоже хотят тишины,
Он им скажет тихонько: «ши-и».
Шире откроются дверцы часов,
Ночью они полны голосов.
Все, что скопилось
В течение дня,
Гном потихоньку
Снимет с тебя.
Боль он опустит в черную лужу,
И заморозит жестокая стужа
Слезы, раздоры и беды людские.
И остаются
Только живые детские сны.

Но гном забирает их
Снова в часы.

1985—1987

БОЛЕН МИР

Болен мир болезнью черной:
Иль проказой, иль чумой.
Бродит сумраком прикрытый
Жуткий вой.
Не родит сегодня мать дочь,
Упадет ее слеза в ночь.
И земля не в силах кричать,
На губах ее смерти печать.
Черный пепел вместо дождя
На лице твоём.
Так какой теперь дорогой пойдём?

1985—1987

* * *

Верните музыку колоколов —
Там стон веков.
Хрустальным куполом
Под небеса
Звенят леса.
Гудит река,
И заводи тишь
Услышь.
Во все времена
Слыхала страна
Зов.
Так что же сейчас
Набата звон
В ров?
Вечная музыка —
Пять узлов в кулаке.
Колокол —
Сердце в человеке.

1985—1987

ПОРТРЕТ

Лицо изрезано чужими
Словами злыми.
Рука печальный
Держит лоб.
О, как велик
Ваш небоскреб
Разбитых судеб.
Ваш порог
Не переступит друг,
А недруг скажет:
— Ну, что ж,
Пора и на покой.
Он столько раз
Своей судьбой кидался,
Как игральными костями,
А нужно было
Вместе с нами
Спокойно доживать
Свой век.
Так погибает человек!..
Лицо изрезано чужими
Словами злыми.

1985 — 1987

ХУДОЖНИК

Дайте тому!
К черту добрые слова.
Кровь на белые листы —
Закружилась голова.
Дайте тому!
Днем с огнем,
Аж в глазах темно.
Не дописано мое полотно.

1985--1987

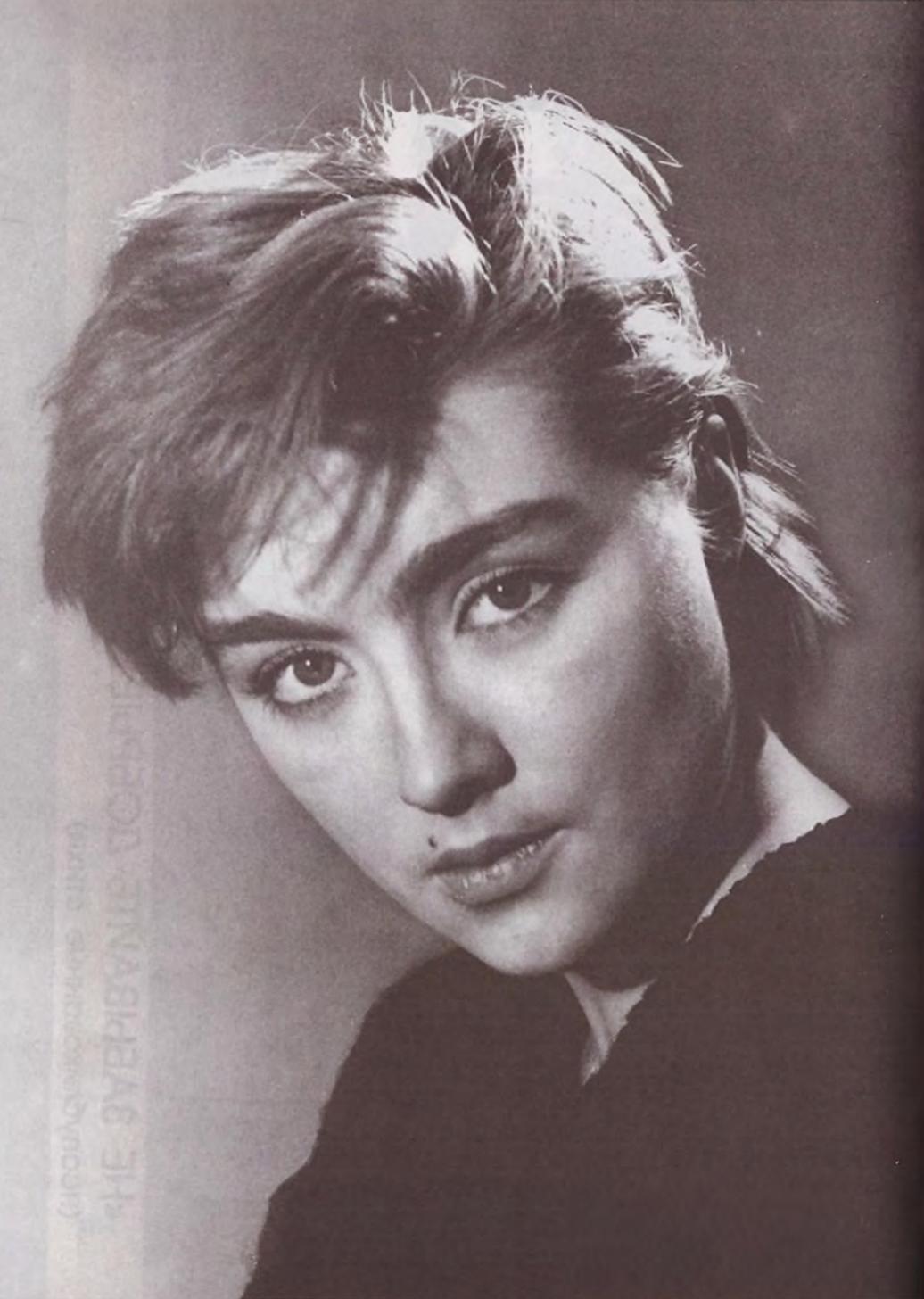
ПАМЯТЬ

Люди теряют память,
Как зонтики в метро.
Что важно вчера —
Забыто давно.
На карнавале смерти
Первая маска — ложь:
Даже убив, хохочет,
Памяти не вернешь.
Шлют пустые конверты
Белые глаза адресата,
Это провалы памяти.
Не получить обратно
Чьи-то слова смешливые.
Губы измазаны вишней.
«Быть хорошо счастливым» —
Так говорил Всевышний.
Но превратилась память
В серый, плешивый камень.
На ночь метро закроют,
Как ставни
В прокуренной спальне.

1985—1987

«НЕ ЗАБЫВАЙТЕ ДОБРЫЕ СЛОВА...»
(неопубликованные стихи)

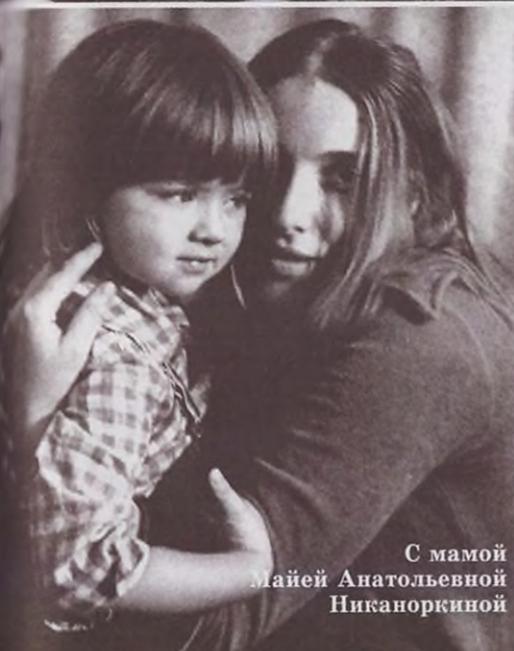

... (неполноценно) ...

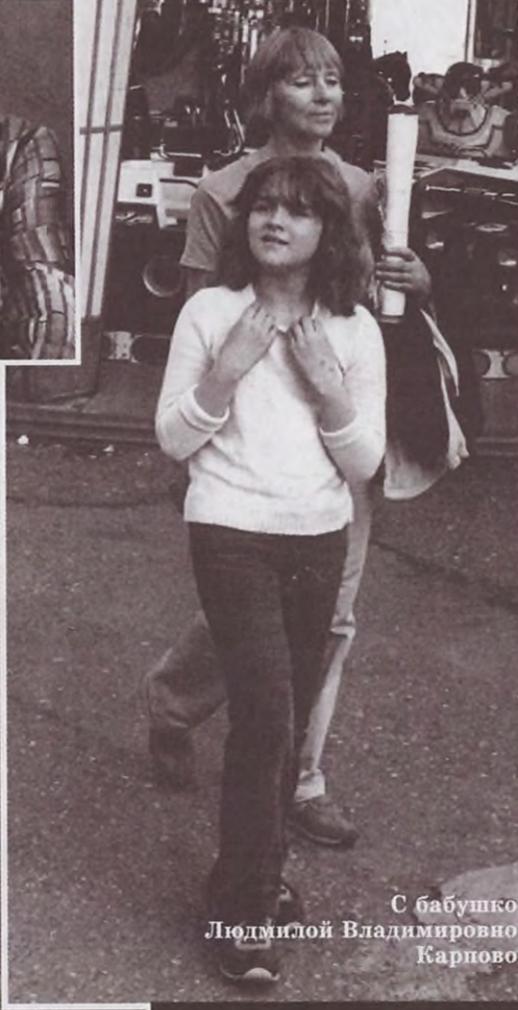
... (неполноценно) ...

С дедушкой
Анатолием Игнатьевичем
Никаноркиным

С мамой
Майей Анатольевной
Никаноркиной

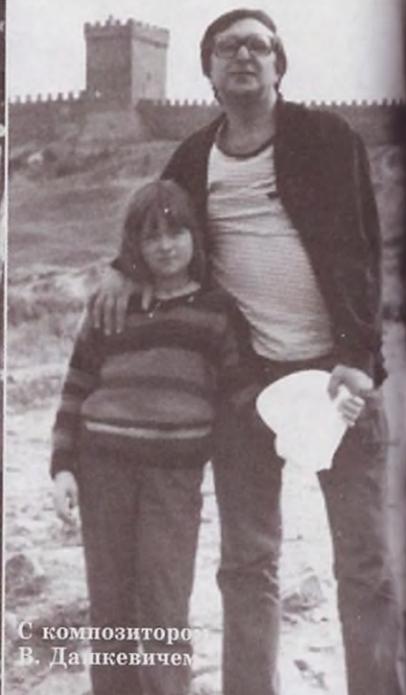

С бабушкой
Людмилой Владимировной
Карповой

С дедушкой дома

С композитора
В. Дашкевичем

На выставке
в Москве
с г-ном Канеко-сан

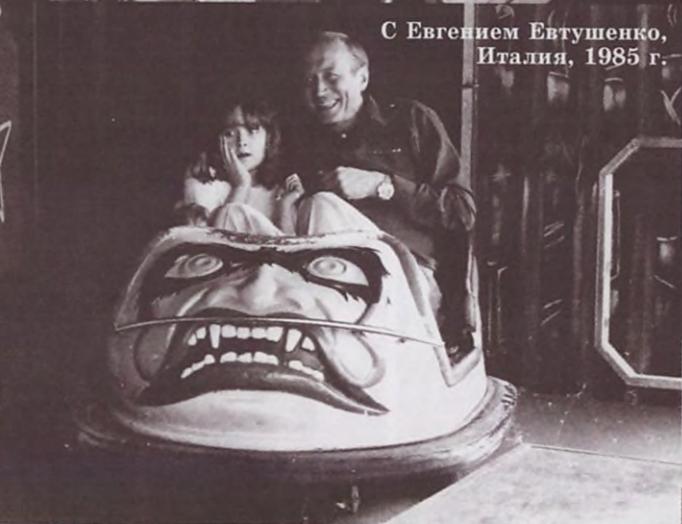

Елена Камбурова

С Юлианом Семеновым,
Ялта, 1987 г.

С Евгением Евтушенко,
Италия, 1985 г.

ВАН ГОГ

Врач!
Заткните
Трещину в стенке
Безумным Винсентом.
Гениальность — позор?
Гениальность бесценна,
Чудачества вздор.
Распрямите полотна,
Рожденные
Мозгом растопленным,
Его и моим мозгом
Поэма великая
Соткана.

* * *

Будь проклят день,
Неприрожденные
 убийцы,
Зачатые в преддверье
 снов.
Когда ушную раковину
 слов
Лишили голоса,
Распяли душу.
Всё потеряли,
Не успев
 дослушать.

* * *

Сигарета за сигаретой,
Минута за минутой.
Опущены будут руки,
Как вопрос на последнем круге.
Останавливаются навечно
Люди, нелюди и последние.
Не ищите, путники, вечность,
Заблудиться легко на свете.

* * *

Не признавая Казановых
И не любя простых,
Я оставляю их одних,
Ищу лишь старый стих.

* * *

Воевать, чтобы сдаться —
Убогое дело.
Попробуй остаться,
Оставь свое тело.
Опустевшие улицы, чужие дома...
Может быть, еще вспомнится,
Как любить ты могла,
Как могла возродить
То, что было потеряно.
Это только начало,
Будь в этом уверена.

* * *

Я начинаю ощущать,
Что бросила меня строка.
Был друг один,
Его не стало.
Свеча
На крышке старого рояля
Своей слезою восковой
Старается меня утешить.
Но болью
Не заполнить вечность.

* * *

Ах, эти три сосны —
Наталья, царь, балы.
Плутаешь в лабиринтах
Начертанной судьбы.

Не слышит Ариадна —
Она несет свой крест.
Фемида ускользнула,
Отдав красивый жест.

Нам в поле вместе б выйти
С звездой поговорить.
А зайцы — это прихоть,
Тебе ли так шутить?

Ах, эти сани, сани
Помчались в Никуда.
Давай-ка рядом сядем
И повернем коня.

Скорей от царства Леты,
От плахи и костра
Я увезу с собою
Тебя, еретика.

* * *

Колдуй, колдунья-бабушка,
Несчастия ведь рядышком:
Не избежав падения,
Попасть в огонь смятения
И утонуть в ночи.

* * *

Как по площадке
Детской песочницы,
Блуждаю по колкому
 окну.
Ножницы, дайте ножницы,
Ненужную перерезать
Пуповину мою.

* * *

Звонок.
Полгода молчания.
Случайность?
Опять пьем вино...
Ты ищешь
 короткое замыкание,
Крича, что
 возврата не суждено.
Безумное утро.
Услада побега.
Банальная
 кончилась веха.

* * *

Брошены мысли в помойку.
Вечером стоишь голый,
Тычась в пустоту,
В страхе
Подсчитываешь утраты.
Знаки запрятались —
Что толку мозолить глаза.
Утром начнешь
Вымалывать слова —
Небо не слышит тебя.

* * *

Асфальт ночью горячий.

Пятки уже прирастают
к земле.

Это такая
тяжелая

Дорога
до
крематория.

* * *

Эй, заходите.
Здесь головы меняют
 больным поэтам:
Чуть изнасилась — отвинтят,
И будешь опять мстителем.
Боль разрывает стихию,
Эхом в меня вонзаясь.
Мне бы дойти до пристани,
Да голоса не хватает.

* * *

Меняю боль на эхо,
Чтобы скорей откликнулось.
Я ожидаю карету —
Не подают на пристани.
Здесь корабли-молчалники,
Вечных изгоев стражники.
Их узнают по слову,
Если услышат эхо.

* * *

Отец, я устала.
Годы — не мосты,
Не сбросить.
Если упадешь рядом,
Обниму твою посесть.

* * *

Сестре Маше

Спи, моя печальная,
Девочка, спи.
Пусть тебе приснятся
Пеночные сны.
Я тебя укрою
Нежными ветрами.
Пусть тебя качают
Сонники полей.
Пусть расскажет полночь
О тропинках колких,
Над тобой склонились
Травы-шелкодонки.
Тонкие колосья,
Диска колечки.
Все они курносые
С азиатским косом.
А с рассветом тени
От ветвей акаций
На щеке запутаются
Завитками снов.

СЕСТРЕ

Сестре своей
Не посвящаю колыбельной,
Не верю я в премудрость сна.
Пусть все печали тяжеленные
Несет на плечиках сама.
Я знаю, столько будет боли
В твоих, пока святых, глазах.
Прости, что завещаю долю,
Но в этой жизни только так.

* * *

Когда наступает утро,
Полночь становится колкой.
Теряя капли-минуты,
Вечность кажется долгой.
У вечности нет предела,
Есть только время на выход.

* * *

Поздняя ночь
Уходит прочь.
Надо успеть
Душу вернуть
Указавшему мне путь.

* * *

Киллер-судьба
Наверняка убьет тебя.

Днем с ним блуждаешь,
Ночью изнемогаешь.

* * *

Вам одиночество к лицу.
На полустоптанных страницах,
Как правда
Ищет нож к лжецу,
Так ты отпугиваешь лица.

* * *

Полночь пришла,
Пробила двенадцать лет.
Настежь открыта дверь,
Тебя по-прежнему нет.
Священную книгу взяла со стола.
В узел морской завязала слова.

* * *

Ищите правду в самих себе,
В глаза детей почаще смотрите.
А то заладили: «Распяли Христа!..»
Да вы на руки свои поглядите.
Ведь легче узреть чужую ложь,
В нее и камень летит со свистом.
Чем ближе к сердцу — острее нож,
Еще острее — по горлу бритвой.
Мирным не назовешь
Крик боли на нашей планете.
А мы все двери скорей на засов,
Будет покойно на этом свете...
Так пусть на том вы горите в аду,
И дети, сожженные в Хиросиме,
Не проведут вас по тонкому льду —
Вода окажется гильотиной.
Вечный укор нашему времени —
Глаза идущих в печи Дахау.
И страшно земле от этого бремени.
Но не утихли творцы напалма —
Горят города, земля горит,
Пальцы чернеют от пепла брата.
У вас душа никогда не болит,
И вам неведомо чувство расплаты.
Так пусть рожденные вами дети
(А вы подобных себе творите)
Не повернутся лицом ко времени
И с поля брани уйдут убитыми.

РАЗВОД

Люди мать насаживают,
Как нимб на пик Кремля.
Убожеством возрождают
Любимых, на месяц иль два.

Ваших детей пристанище —
Замазка для кирпича.
И не нужны расставания —
Вам требуется война.

МАМЕ

Захватив запястьем белый вырез
У корней окрашенных волос,
Ты елозишь, как огонь в камине,
На диване из зеленых слез.

Мама, мама, колыбель сатина
Рыжего, как челка на глазах.
Обними покрепче Августина —
Со святыми легче в небесах.

* * *

Убитые рождаются —
Это я.
Как все люди,
В двух точках живу.
Мною играют на клавесине —
Мучительная струна.

* * *

В круговом обороте
 пепельницы
По горизонтали —
Спички три.
Разговор догоревшей
 семьи.
Запотевшие стекла.
Ненависть
Брызжет сквозь зрачки.
Горькие строчки.

ПИСЬМО ПОЭТУ

Бросили или восстали?
Между нами великая пропасть,
Да и двери давно обветшали.
Поэзия?
Поэзия — уникам.
Область ненужной печали.
Разучились чувствовать?
Что ж, не вечны сандалии.
Кожа тоже изнашивается,
Боль съедает, как сода.
Вы устали?
Нет?
Тогда мимикрия!
Говорят,
Эта болезнь неизлечима.

* * *

Устали холодные ветры.
Распяли Христа во дворе.
И дети шныряют, как вепри
В чужой, запустелой траве.

Метет тротуары дворник.
Ночник погасил свой свет.
И капли забытой крови
Давно потеряли цвет.

* * *

Серое небо.
Судьба недействительна.
Счастье дурманное —
Мягкое, душное.
Что же ты хочешь?
Другое тебе не отпущено.

* * *

Разминулись дороги
На пристани.
Где теперь поезда?
Две косички упали,
Как исповедь,
На твои покрова.
Лучше выйду
В рубашке белой:
«Ах, немножко в крови!»
Что вы сделали,
Люди?
Сделали.
Господи, помощи!

* * *

Полон дом любви и согласия.
И сомкнулись ваши запястья,
Как дожди
Этой осени желтой.
Вы несете
Топленое счастье в корзинах
Продавать
Рано утром на рынок.
Покупая его, мы не знаем,
Что стальное оно бывает.

* * *

Подожди,
Я зажгу фонарь
Осветить откос,
По которому
Ты скатишься во тьму.

* * *

В комнате белой Швейцарии
Пепельница — голова.
Русское, забычкованное
Смотрит в окно дитя.

Запахи спелой клубники
Улицами живут.
И неодетой Нике
Вряд ли дадут приют.

* * *

Ныряю в бассейн —
Мокро.
Еловые иголки.
Выйти не могу —
Тянет ко дну.

* * *

Казалось, время пройдет,
Тишина в нашем доме настанет,
Покой раздует семейный очаг.
Что ждала,
Обернулось страхом.
Жизнь — погоня,
А я — дрова.

* * *

Пойдем со мной,
Хорошо заплачú.
Дуло одно,
Будешь нести его ты.
Я — твоя мишень.
Пытаешься отказаться,
Но целишься наверняка.

* * *

Господи, рассуди непослушных.
Отвори врата
В дом терпения.
Воспаленных блудниц рассуди —
Ненавистное племя.
Раскаленной проводкой
В руках,
Красным оловом дремлет фонарь.
Забери и меня в этот дом,
Истощенный терпеньем.
Разруби городские узлы,
Что связали,
До боли оглохнув,
Дерзкий чад голосов
Недозревших, поруганных душ.
Телефонный гудок...
Кто-то мир не дослушал.

* * *

В моей опочивальне
Тает снег.
Я варежки вяжу
 кому-то.
Под утро ты придешь,
Как будто
Не проходило
 столько лет.
Распеленаю пряжу —
Тебе уже не вяжут.

* * *

Последний гудок
Автомобильный
Длинный.
Я разрезаю улицу
ногами.

Им холодно.
Они читать устали,
Что напечатал
Черный след.
И в прошлое
Дороги нет.

* * *

Рожу сына —
Дам имя.
Дочь моя —
Ночь.
Найти не могу.
По следочкам иду,
Боюсь, набреду.

* * *

У людей — удочка,
У меня — струна.
Что хочу, делаю:
Играю с ней,
Ловлю бабочек.
Поле пашу —
Земля черна.
Буду одна.

* * *

Утрачены
Дороги наши.
Направо повернешь —
Я слева подойду
И поведу
На ту поляну,
Где светлые росли цветы.
Не торопись —
Там только черный камень.

* * *

Тоска,
Ты — дворовая девка.
В извечном услуженье
Бродишь там,
Где позабыт мой смех.
И на душу беру я грех —
Даю тебе
Чуть больше двух целковых.
Окурки с пола,
Душная тетрадь.
Не знаю, как себя назвать.

* * *

Подниму косу —
Зарублю.
Если голос дашь —
Отпущу.
Не печатай
На дороге следин —
Ты один.

* * *

Забрал из Ада —
Простила.
Не так давно плакала —
Любила.
Домофон в голову —
Зверь.
Приходи скорей,
Я одна.
Заходи, Сатана.

* * *

Господин мой,
Время.
Ничего не умею.
Беру тетрадь,
Памяти не хочу —
Там любовь.
Родиться бы вновь.

* * *

Умер поэт
Морально.
Теперь у него наковальня.
Бьет, старается —
Огонь не получается.
Помнит, летал к звездам.
Будни, проза.
Не тужи, там была
Наковальня с тобой одна.

* * *

Куплю одиночество.
Меня давно
 так не любила земля.
В поезд хочется.
В сухом лесу подснежники.
Я — невежда,
Думала, — свет.
Закричу в голос:
«Милый, на помощь!»

* * *

Удила закушу,
Пеной брызну.
Всех друзей облюю,
После взвою.
Что ты делаешь,
Маленькая,
Теперь уже старенькая?

* * *

На Покрова-праздник
Выйду —
Шаль отдала.
Бела моя голова,
Смела покрова.

* * *

За домом пруд сухой.
Идешь по дну.
Я тоже камень подниму.
Кто в кого попадет?
Мой черед.

* * *

Мокнет рассвет.
Бегу трусцой.
Сколько лет молодой?
Поверну за тот пенъ —
День.
Белизны наряда
Мне не надо.

* * *

В морозилке
Свинные туши —
Мне под стать.
К холоду привыкнуть можно,
Но не к ободранной коже.
Ногти в дверь —
Темнота.
Где ты,
Мама моя?

* * *

Любовь везде одна.
Душа дает дыханье
Для радости, отчаяния, бед.
А жизнь рисует
Твердые фигуры,
Ухоженные славословьем зла.

* * *

Дом стоит у дороги.
Ну, проходи, попробуй.
Помнишь, ты обещала
Срезать мои страдания —
Сохнут побеги жизни.
Дорога менялась часто:
То становилась черной,
Трудно ее приметить;
То превращалась в белую,
Ржавчиной покрывалась.
Тебе не разобраться,
Запутали знаки жизни —
Время тебя не торопит.
Можешь не беспокоиться,
Срезать мои страдания
Прохожие обещали.

* * *

Годы пройдут,
Память увянет.
Помни одно —
Реквиемом станет
Мой монолог уходящий.
Знаками время заменится.
Люди изнанку жизни
Услышат.
Беды, страданья
Новый примут обет.

* * *

Новые слова замучили меня.
То пропускаю буквы,
То ударенье не туда поставлю.
Забывтым словом хвастаюсь давно.
Оно легко ложится в речь.
Значение его — Любовь —
Мне подарило время
В предчувствии покоя.

* * *

Белую прядь изжевала,
Маленькая моя.
Обегу семь столбов,
Где мой кров?
Сидишь у порожка.
Тают ресницы.
Вдвоем уже хорошо —
Соберем былое
В терпкое вино.
Колкие стекла —
Обманчивый след.
Обниму — и в снег.

* * *

Разлучили. Напили.
Бросили колечко в речку.
Разговор колкий.
Платье подарю сестре.
У тебя кружева,
Смотреть буду из-за угла.
Только бы в белом была.

* * *

Долго живут звери,
Гордо — птицы,
Если не попали
В лапы зверью.
Напишите мою
Биографию.

* * *

На перекрестке —
Голая.
Ловят потные лица.
Им бы воды напиться.
Тело в ссадинах,
Бежать куда?
Травля на лисицу — смешна,
На волка — грешна.

* * *

Набесились летом —
Мы — сморчки,
Конь придет.
Камень вынешь,
Ему и тебе больно,
На нем не ускачешь —
Подковы плачут.
Эй-гей, бей коня.
Забьешь до смерти,
Непокорная.

* * *

Распушусь,
Накроюсь шалью,
Каблучки.
Буду весело смеяться от тоски.
Пойду в хлев,
Рядом лягу.
Эй, Буренка моя,
Конец один:
Ты — на бойню,
Я — на помойку.
Встретимся — стыдно.
Перепутали наши билеты,
Одного оказались цвета.

* * *

Звонок случайный.
Нет телефона.
Справочник в руках.
Позвоню молча.
Там тепло.
Листья падают градом,
И не холодно.
Валенки надену
И к огоньку
Буду ползти.
Коленки — в грязь,
Не торопясь.

* * *

В тире яблочко —
Сердце.
На ком пробую —
Смертники.
В лесу тихо.
Где ты бродишь,
Неземная,
Песню споем —
Знаю.
Ты,
Бабулька моя,
Не у дел.
Просто поезд твой
Не успел.

Но ты уходишь,
Спеша из ночи,
Боясь себя.
И дверь свою
На звонок телефонный
Откройте смелей —
Там нет меня.
Я номер Ваш
Наберу осторожно,
Но не скажу,
Кто я.

* * *

Желаю
Увидеть тебя,
Близсмотрящего в глаза,
Чуть-чуть намекнуть,
Что законы любви
Окружили тебя и меня,
Освещая душе
Путь в небесную высь
К той звезде,
Пока не открытой,
Но услышанной мною
В пронзительном крике Вселенной.

* * *

Предел мечтам моим
Не наступил.
Брожу по жизни,
Словно маленький ребенок
По белой простыне,
Бросая душу
В пропасти надежд.
Она то упадет,
Сраженная ударом,
То может так запеть,
Что новые придут слова,
Простые, добрые,
Которым нет аналогов.

* * *

Молчим,
Когда устанут мысли.
Кричим,
Когда щекочут нервы.
Юлим,
Когда деваться некуда.
Отходим,
Когда рассудок ясный.
Прощаем,
Когда себя жалеем.
Страдаем,
Когда других любим.

* * *

Много дел у меня.
Я люблю посидеть, успокоиться,
Расчесать свои волосы,
На него посмотреть —
Уютом пахнёт.
Покажется тихая даль из окна.
Далеко облака унесут,
Где желанья хотят попросить
Новых слов о любви.
Пронестись мимолетно.
Взглядом срезать строку
Тонких нитей запутанных слов —
Жизнь дает насладиться мгновеньем.
Окружить запоздалых гостей
Лаской теплой души
И в ладонях его уснуть.

* * *

Смешно и суетно
В доме моем.
Гогочет природа.
Ребенок не слышит
Словесности скрежет —
Надорванность судеб.

* * *

**Мы нелюдимы.
Мы боимся их,
Людей,
Которые боятся нас.**

* * *

**Я — мать-одиночка
У моих стишочков.**

* * *

Многие думают,
Я опоздала —
Поезд ушел.
Новые рельсы
Жизнь проложила,
Время умножило
Чувство любви.
Просто я вечер
Сменила на утро.
Мне помогли.

* * *

Проскочить
Мимо лжи на коне,
Гриву в узел связать.
Радость детям дарить,
Усмехаясь невзгодам.
Расстегнуть
 все застёжки души,
Согревая людей
Потаенною силой
Великой любви.
Доказать,
Что Родину
 страстно люблю.
Умереть
На земле моей русской.

* * *

Роняешь мысли у входа в Алтарь.
Покрываешься тайной —
Неприкосновенна жизнь.
Обволакивает сонным покровом
Чашу весов жизни моей.
Уроки любви видятся жалкими,
Вроде холодного утра
С зажженным фонарем.
Знаки бегут от меня,
Как беды
У открытых порогов.
Вечер становится вечным...

* * *

Голуби,
Дети паперти,
Гнойные лужи пьют.
Москва? Колокола?
Так дайте то,
Что от вас
Нищие ждут...

* * *

Раз нам дается счастье,
Но теряются вечно в ненастье
Слезы-радости и покой.
Только горечь мы замечаем,
Потому, что рядом она.
И слова не понимаем —
Подавай нам гнедого коня.
Забывать приходится молодость.
Ждем старость,
Как дом спасенья,
Закрывая глаза
В недоумении
Да в надежде,
Что Бог спасет.

* * *

Захочу себя помянуть —
Срежу отростки
И не оставлю памяти.
С протянутой рукой
Стану у паперти
Упрекать кого-то
В судьбе,
Содеянной мной.

* * *

Мечется душа,
Желая оживить
Мои дела,
Построить их в шеренгу,
По порядку рассчитать.
Прошу одно —
 вперед шагнуть
И показать себя.
А, может, вместе, всем?
Но это буду я,
Уже другая,
На шаг вперед
Сознание осмыслив,
Мгновенно
Душу остудив
И в мир иной вступив...
С легкостью богов
Понять,
Едва успев прочесть,
Знакомые стихи,
Написанные мной.

* * *

Дверь распахни
Для путника с дороги.
Прости ему
Непониманье новых слов.
Он заражен
Проказой времени.
Пойди и принеси стихи.
Они магическим раствором
Заставят вникнуть
В хор забытых слов,
Дадут толчок
Уснувшим чувствам
Состраданья,
И мир покажется
Одним окном,
Распахнутым в бессмертие.

* * *

Вроде родилась вчера.
Вечерняя звезда
Путаницу
Судьбы моей решила:
Уноситься ль в пропасть,
Становиться птицей.
Все решено богами,
Уставшими давать мне
Яства постепенной смерти,
Замкнув круг желаний —
Добро отдать живущим на Земле.
В программе человека
Заложено копить добро,
Но не души, а злата.
Бесмысленно,
Оно расплавится,
В меч превратится,
Мгновенья будет ждать —
И подстеречь,
и покарать...

* * *

Проси прощенья
У себя, у Бога,
Может, разум проснется,
Поспешешь к совести.
Может, найдешь калитку,
Постучишь — откроется...
Победишь чванство,
Уступишь героям место.
И, может, когда-нибудь
Родишься вновь, Человеком.

* * *

Что скажешь,
Когда пройдут года,
Успокоишь мысли
Веселым хохотом
Над якобы
Завидною судьбой,
Сраженный желаньем
Доказать другим
То,
Что не могут боги?

* * *

Она скрывается в хоромах
Странных лабиринтов,
Потушенных страницами
Шершавых слов.
Хотя рассудок
Желанные мгновенья
Спешит украсить
И тут же заблудиться...
Закончить ясную цепочку
Упованных, раскованных цитат
Не удастся.
Она ведет в построенный веками
Конец утробной жизни,
На помощь кликнув
Смерть, иль новую любовь.

* * *

Опрошу всех богов
О законах любви,—
Тебя просветить.
Поведу
В мною срубленный дом
Из стволов,
Что зовутся любовью.
Донный,
Самотканый палас
Из посевов души постелю.
Из окна покажу
Необъятную даль,
Где гуляет простор у крыльца.
Улыбки развешу
По стенам жилья.
На стол
Доброту моих рук набросаю.
Двери настежь открою
Для друзей ли, врагов —
Счастьем надо делиться.

* * *

Прости, судьба.
Твои расписанные звездами тропинки
Упрятались
В сомнительных законах жизни.
Часы сравнивались
С желаньями мгновенных потешений,
Решив,
Что звезды можно приручить,
Построить Новый мир
На прошлых знаках,
Указывая судьбы
По цепной сети планет.
Опознаны только ИМИ предсказанья
Давили душу —
Пытались утратить...
А существует закон судьбы.

* * *

Купи компьютер —
Сочиняй стихи.
Поступишь,
Как усталый человек,
Когда нет времени
Услышать сердца зов.

* * *

Прекрасно мраморное тело,
И вся летящая, как Ника,
Победа будет очень белой,
Как первая страница книги.

ЦАРЕВНА-ЛЯГУШКА

Стрела вонзилась глубоко,
Ее не вытащить руками.
А что слова,
Уж их сказали,
Хотя и было нелегко.
Пусть буду
Прошлым я твоим,
Но только не сжигайте кожу,
Которую сейчас я сброшу.

* * *

Прошлые лета забыла я.
Врачи сказали: «Амнезия».
Заколдовало слово.
«А мне... и Я».
Болталась буква «З».
«Знак?», —
Промелькнула мысль
И утонула.
Жизнь продолжалась...
Улыбки белоснежного фарфора
Меня встречали,
Пальцы щекотали нежные места
На теле, изуродованном мною.
«Незаурядной» становилась я.
Поселилась в дом,
Где поражала роскошь,
А стены расписаны цитатами
Из «Тайной книги»
Новых предсказаний
О смысле жизни.
Научилась петь и танцевать,
Вещать по телеку
Ерническим тоном
О судьбе страны моей,
Где люди гибли от нищеты
И зависти друг к другу.
...Не заметила,
Как стала тяжело передвигаться.
Горб вырос —
Душа упрятала туда мои стихи.
Значенья слов «душа», «стихи»
Припомнить не смогла,
Кипела в густом растворе

Бытия манящего.
Мечты мои достигли,
Наконец,
Высот толпы.

* * *

Распустив воспоминания
По хрупким жизненным дорогам,
Часами шляюсь в поле.
Там без охраны можно оставаться,
Сраженной простором,
Льющимся на замороженное
Мое стихосложение.
Зачем слова?
Они нарушат луч дрожащий,
Солнечный, частотный,
Поднимая в высоту мечты.
Как радостно в покое,
В шорохе распустившейся земли,
В гомоне звуков неба!
Уснуть хочу. Забыться.
Оставить навсегда в себе стихи.

* * *

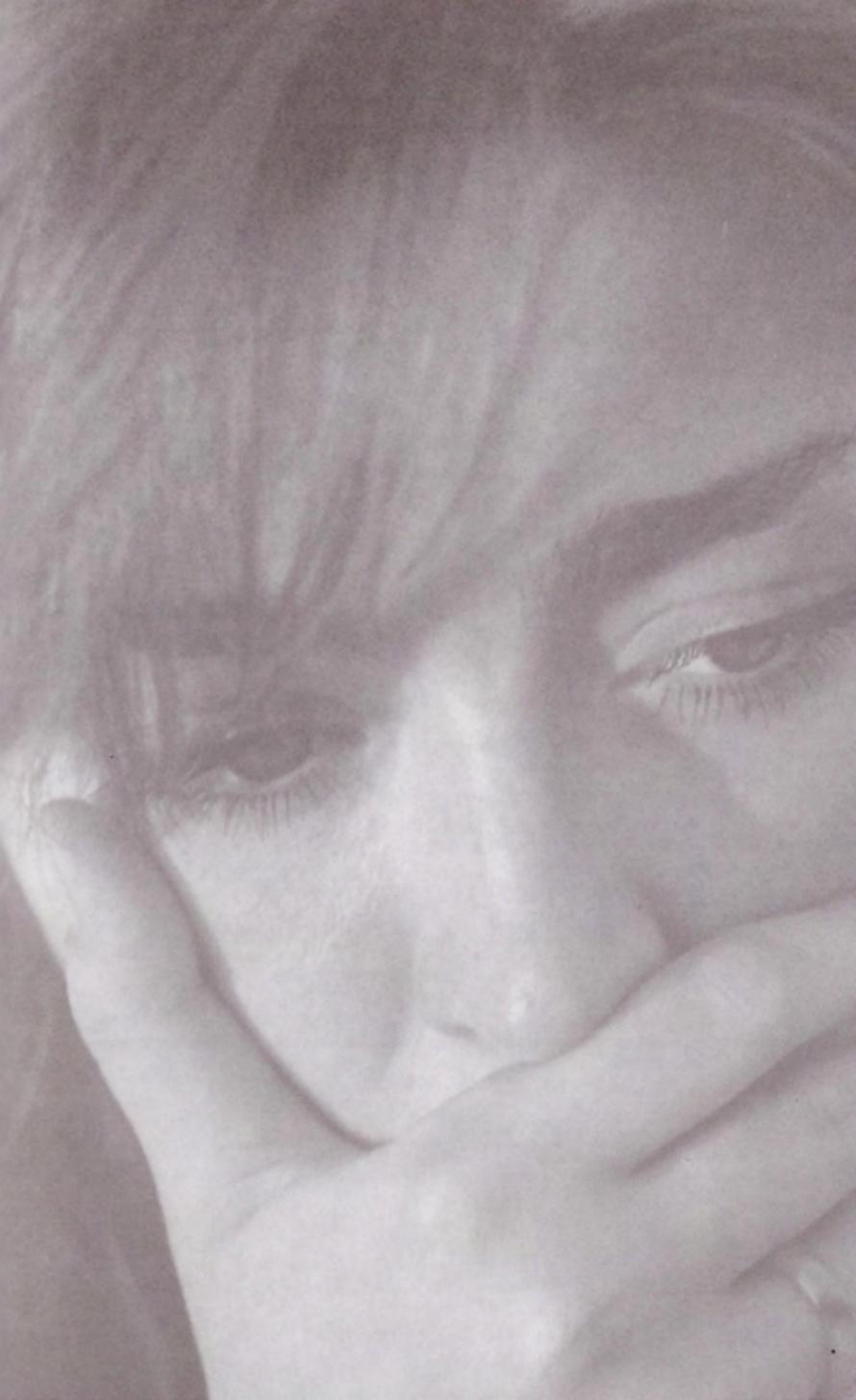
Зыбко видеть люд
С запросами
Давно утраченной любви.
В цемент замешаны
Предательства
И потешения
Над своим несовершенством.
Втайне помышляя
О спасении души,
Страх заставлял признаться:
Без Всевышнего не обойтись.

* * *

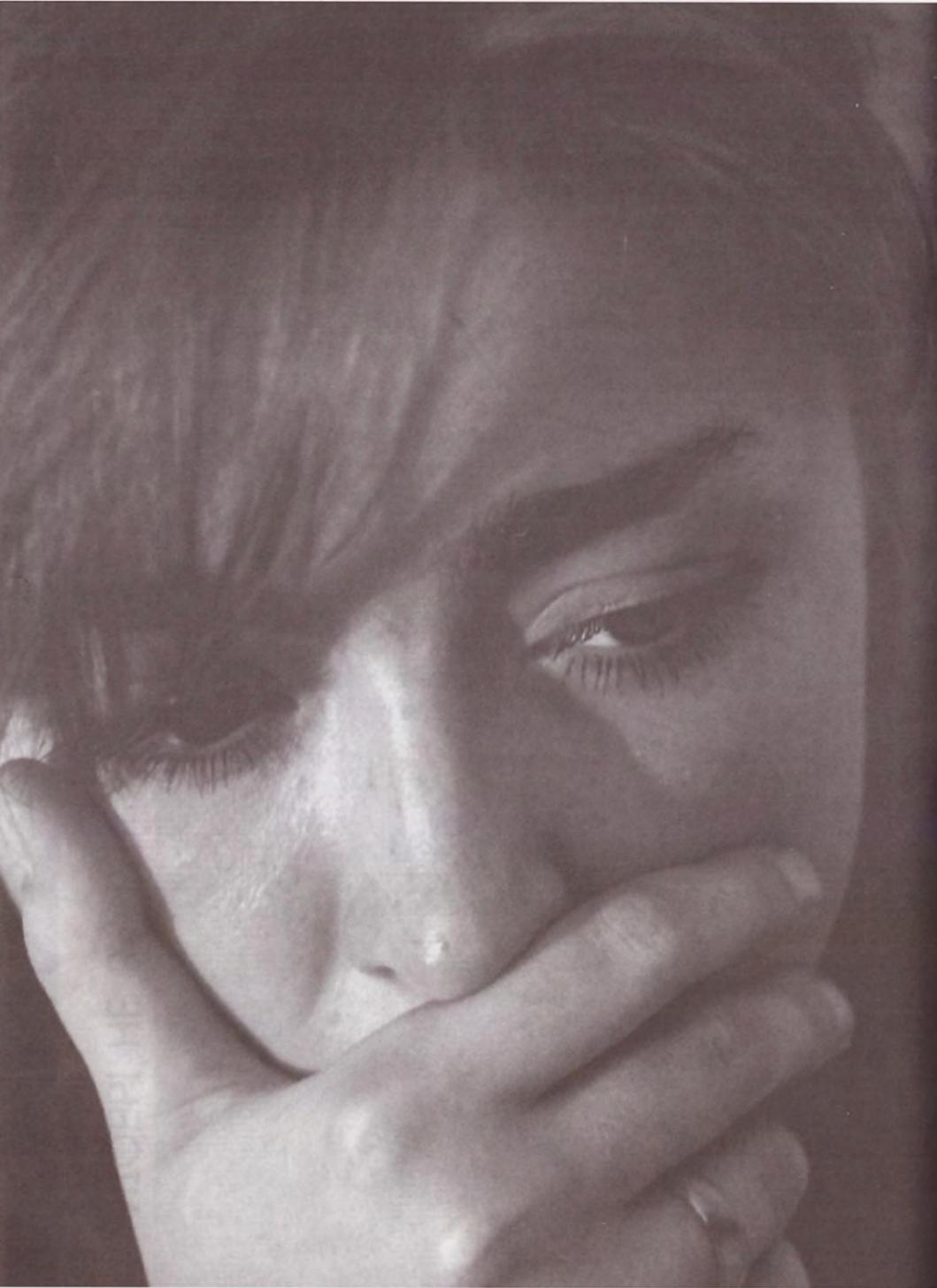
Унеси меня, утро,
В знакомую степь
Посмотреть на
Студеную гладь.
Даль просмотра потрогать,
Услышать звенящую дрожь
Поспелой земли.
Опрокинуть себя
На душистый покров,
Для ненужной борьбы
Зарядясь.

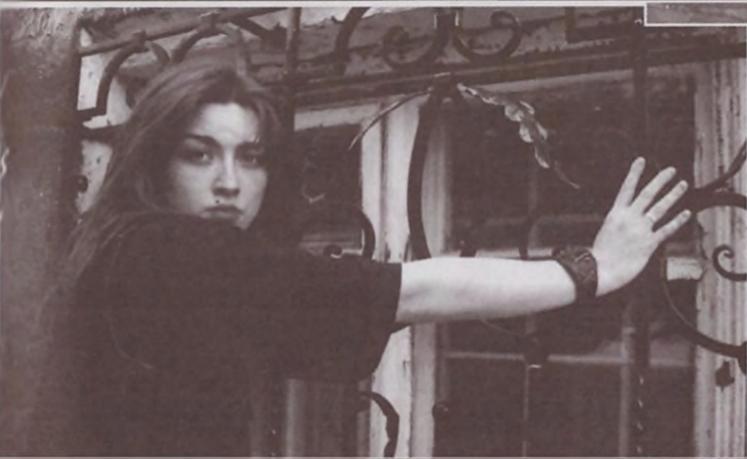
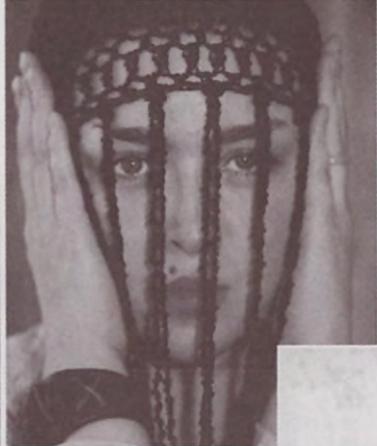
* * *

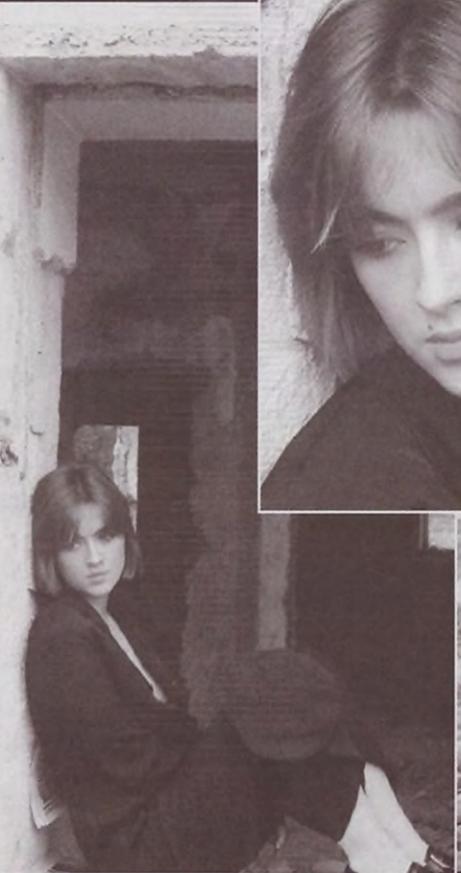
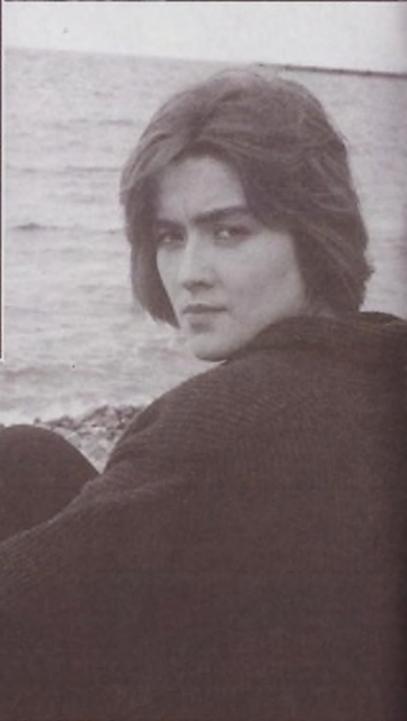
Сколько прожито лет
У курносого племени.
В рабстве корчась,
Творили шальные стихи.
Припадая к Соборам,
Дух смиренья
Не смогли победить —
Струны души
Помогали терпеть.
Мне сегодня
Легко говорить
О жизни рассудка веков.
Утешать,
Кто не смог сотворить
Хоромы любви для людей,
Разбиваясь
О власть монолитную.
Мне сегодня
Легко удивляться
Устройству Вселенной,
С русской страстью мечтать:
Часы приближают народ
К великим свершеньям.

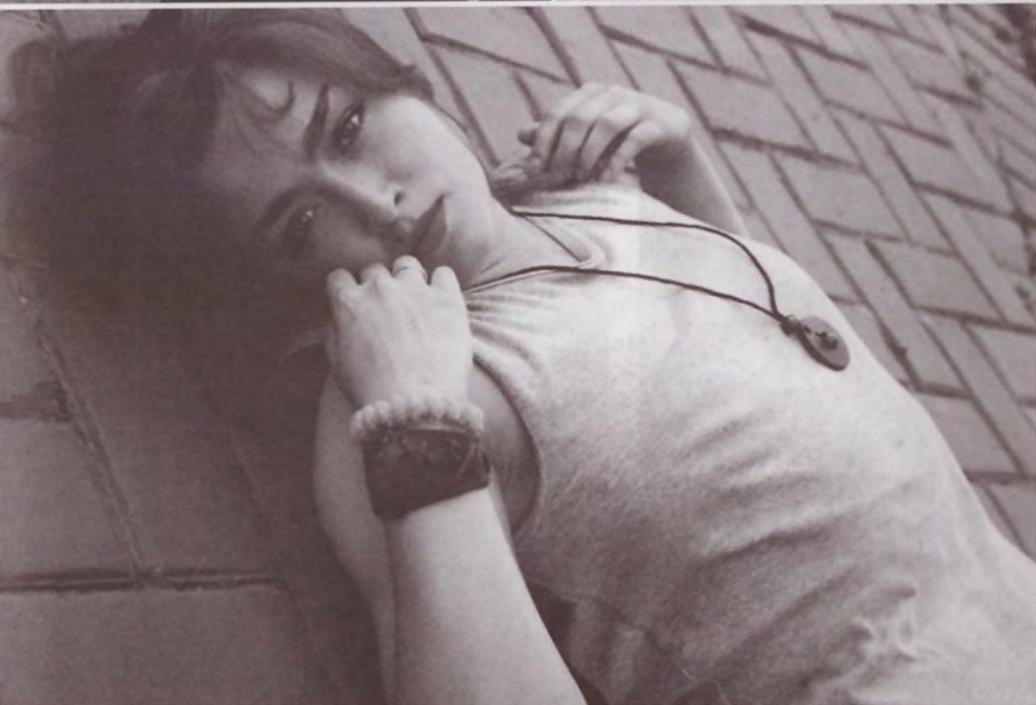

ЧТОБЫ НЕ ЗАБЫТЬ
(записки)

Северо-Восточный Административный Округ
г. Москва

Диплом НАГРАЖДАЕТСЯ

Театральная студия общественной организации

«Пилигрим» рук-ли: Миронов А.А. и Турбина Н.Г.

получивший звание Лауреата II районного
фестиваля детских творческих коллективов
«Юность Лосиньяки»

Глава Управы
Лосиноостровского района
Орг. Комитет фестиваля

Николаев Ю.А.

Самойлова Н.А.
Стаценко М.А.
Романенко П.В.
Анжжва Т.В.

25 апреля 2002 года

г. Москва

* * *

Сколько жизней надо пройти, чтоб услышать музыку ветра? Фразы будешь носить в себе, говорить пустые слова, мимо адреса пролетая, снова улицу не найдя.

* * *

Не надо новых слов, они не существуют. Есть только новый взгляд на старые слова. Бегите от врагов. Они умеют слушать, чтобы потом расправиться с тобой. Где я живу? Ты можешь не понять. Моих дверей теперь ты не найдешь. Услышишь только ветер в тишине да новые картины снов.

* * *

Решила по-новому вести мою коварную, непрочную судьбу. Стихи пошли, как ливень дождевой. Писать я начала опять, желая душу облегчить и показать подробно знаки, по которым жизнь свою прошла. Унять поток сомнений, бушующих вокруг.

Ты знаешь, было все не так...

Но, уходя в нирвану, освобождалась от ненависти людской.

* * *

Ночь делает наши страдания острее, уродливее, опаснее. И зажигает огнями душу, едва она распустится.

* * *

Руки мои прострелены, сердце тебя утратило. Беды накликкала. Делаю новые глупости — тону в понимании рока и жизни.

Хочешь — возьми тревогу, спрятав ее в нашу мудрость, или брось в огонь.

* * *

Жди времени, которое откроет жизни суть. Думаю, она делится на три периода: первый — Он дает жизнь, чтобы разобраться, для чего; второй — узнать любовь; третий — просить прощения у Бога, что щедрости души не ведал. Бежал от жизненных ступеней, желая проскочить холодные, опасные знаки, ведомые судьбой. А все просто — не обмани и не предай. Она накажет, как бы ты ни прятался в расщелинах ступеней.

* * *

Думаю о стихах. Стараюсь найти новую форму — философское осмысление жизни с моей позиции.

* * *

Любовь не бережет жизнь, хорошо знаю. «Любить до гроба» — это правда. Любовь разлучает людей. Кто останется в паре, живут по законам продуманного ими существования. Жизнь коротка. Не жалей себя, пройдя страдания и смерть. Вселенная держится на любви.

* * *

Жизнь посылает нам знаки — понять судьбу яснее. Не видим их. Невежество мешает. Знать не хотим, что говорит Вселенная. Споткнувшись, наконец-то замечаем, но думаем — наказание Божье. Бог никого не

наказывает. Своими поступками наказываем себя. А знаки, как думаю,— это дела, события, которые преследуют человека, исходя из начертанной ему судьбы.

Время материально, оно способствует развитию общества в зависимости от того, какой энергией будет заправлено: добра или зла, войны или мира, любви или ненависти. Время заряжает мозг. Оно следит за нами и ждет, правильно ли поступаем, сообразуясь с совестью. Обманывая себя, делаем вид, будто не слышим. Но оно уже определило нашу дорогу. Дьявола сами лепим своими темными энергиями.

Ничто не поможет спасти душу, никакие богатства, даже изощренный гениальный мозг. Бойся предательства. Время его не прощает.

* * *

Они вошли без приглашенья. Спала я. Седые, лица темные, в руках киноаппаратура. «Нет, не буду говорить. Зачем? Вы видите, в каком я виде — лицо опухшее, и мысли не в порядке. Да платье старое... И вас никто не приглашал»...

Улыбки мерзкие, заученные в долгой практике работы. Им умирать пора. На много лет вперед наделали «добра» сполна. Стервятники на запах прибежали.

Да, сейчас такая. Бедно я живу, нет ворованных домов, никого не предавала; человека рядом нет, кто не хотел бы использовать меня хотя бы на копейку. И внешности своей стесняюсь.

Ну что ж, давайте выпьем, коль принесли. Вы все продумали. Я — червячок, на-

живка. Поймали золотую рыбку, вот она, хватайте...

А дальше не помню ничего. Проснулась, Сашка рядом, теревит: «Ты обещала, обещала...», — он завопил. И мы заплакали. «Пойди в тот угол, где стихи мои лежат, их не украли?»

Нет, слава Богу, пока еще стихи мои на свете. Поджарили картошку, стало в доме радостно, тепло и тесно. Когда энергия любви окутает тебя и взгляд любимых глаз проникнет в сердце, все остальное никнет.

Как думаешь, чем вызвана такая ненависть ко мне? Ведь я не отнимаю ни у кого добра. Кажется, на этом люди помешались. Мне ничего не надо. Нет, вру! Хотела, чтобы нашелся человек иль Бог, который меня упрятал, защитил, и не надо было бы бороться за стихи мои, пронзающие душу. Помнишь, кричала: «Быть хочу, как все!». А что это такое — так и не познала. Года прошли, как страшный сон для тела и души. Наверное, скоро разберусь. Какую молочку чепуху, когда давала интервью. Хотелось в ногу идти со временем. А с детства не могла понять, где левая и правая нога.

Когда умру, тихо станет. Те, кто любил меня, от горя напьются. Кто зло таил, напишут каверзные слова, обрадованные, что вновь в печати можно засветиться.

Возможно, Бог простит их. Время — никогда. Нельзя над совестью глумиться.

Однажды я уже со смертью встретилась, когда с балкона в бездну сорвалась. То был миг боли и желанья жить. Затем — прекрасное озаренье светом. Я написала все об этом. Ты прочтешь.

* * *

Спроси себя, что надо сделать с мыслями большими. Не надо их лечить, а поместить в разумный сад и окружить вниманием и любовью. Видишь, как просто. Ты заслужила тишину души. Вспомнишь свою любовь. Обиды унесутся неведомо куда. Я буду рядом. Войдем мы в новый дом. Понадобится бумага, чтоб записывать стихи. Плоды с деревьев помогу срывать, и будем странные рассказывать, на первый взгляд, события из нашей жизни.

* * *

Они вошли без приглашения. Я еще спала. Представляешь, как выглядела? Знак сказал: не нужны они тебе... Но речи сладкие и обещанья, что снимать не будут, а главное, — шампанское смеялось на столе — я снякла. Много было слов фальшивых и чужих. Понимала, что уже в осаде, но ничего поделать не могла — была пьяна. И час был тот коварный. Энергии пожилых мужчин со слабым телом справились легко. Душа кричала: «Остановись, они убийцы!» Но разум мертвый был — шампань все ликовала. Моя собака, кошки в отчаянии смотрели. Что говорила, не помню. Услышала, когда прислали кассету с искусно накрученным кино. Показав меня ничтожной, жалкой и слепой. Распухшее лицо, стихи свои не помню, и лепет перед всем народом.

Возможно, получил он премию за Нику. Как смешно. На столе конфеты, сто долларов, которые не могу найти...

* * *

Где мои поступки? Не было их будто, и не было меня, погибшей уже в утробе. Вроде, не родилась, все было сном. Хотела сотрясти мир — так каждый человек мечтает быть значительным и не бояться ничего, пытаюсь доказать свою причастность к обществу, в котором оказался вдруг.

А ждал ли кто меня?

Наверное, так чувствует себя любой, кто попытался разверзнуть свой пузырь, в котором начинал дышать и слышать мир иной, всеобещающий.

Не может он, увидев солнце, браться за кинжал, убить другого. Ему внушают это сделать люди.

Зачем?

Не слышим мы друг друга. Желанья нет сознаться, что в рабстве дух тускнеет, его уничтожает нищета.

Отсутствие полета для души равно дыханию без воздуха.

Смотрю, как скучно и убого живет толпа. И вместе с нею я. А так хотелось равенства, улыбок и бескорыстного движения души. Неужто я ошибалась, что появилась на Земле? Ведь, существуя, невозможно жить.

Не верю, что Космос во главе со Всевышним создал толпу рабов и нищих на Земле.

* * *

Жизнь много раз успела мне показать изнанку и лицо. Посевы, рост и всходы. Что собрала я — расскажет время. Главное — я не лгала, не предавала, боль чужую брала. Делала много ошибок, дулом направленных

на себя. Была как во сне дурном. Заканчивающемся знаками обид.

* * *

Обиды захлестнули меня, и сейчас не могу от них избавиться. Обида — тяжелое наказание человеку, который не разобрался в своем предназначении на Земле, преступно перебросив свои задачи на других.

* * *

Бывало, я боялась дня, особенно зимой. Машины на снегу, похожие на утраченные жизни. Выходила на улицу, удивлялась тишине поникших прохожих и убогости стен домов. Да и троллейбусы будто стеснялись пропускать промокших пассажиров.

Где мне присесть, когда деваться некуда и сил нет возвращаться в дом чужой, всегда не мой — пустой, убогий? И делать ничего там не хочу, смеяться тоже трудно в нем.

Почему же я одна? Делами непригодна для людей вокруг меня, и новых нет стихов. Они на время будоражили кого-то. На время я могла привлечь словами живую душу — выслушать меня...

* * *

Построить дом или разрушить, естественно, не одно и то же. Но есть дельцы, не видят разницы. Как подчинить другого, они решают, где выискать сюжет для нового убийства, как изощреннее насиловать юные тела.

Удивляюсь, как народ так быстро смог потерять человеческий облик. Внезапно смиряться с участью своей — униженной и ос-

корбленной. Будто не было советской власти, а был лишь сон.

Или параллельные миры решили подшутить, перенести пространство-время и вернуть нашествия монголов и татар на Русь.

Вот чудеса! А говорят, чудес на свете не бывает.

Нельзя понять менталитет народа, который за основу жизни выбрал предательство и воровство. Такое общество не может выжить — съест самое себя. Его растащат разумные народы. Будь то на небе или на земле.

* * *

Существовать народ не может без веры и идеи. Зачем живет? Нужна ль ему любовь к земле, друг к другу? Понять, что чистить зубы и отращивать ногти, — не предел мечты...

Есть душа, которая питает мир разумом и творчеством. Я знаю: не может русский человек погибнуть от невежества и страха. Его должна спасти любовь и новое понятие Веры и веры в человека.

* * *

Думаю, знаки жизни смеялись надо мной, когда ты говорил желанные слова, ломая душу мне; давал напиток болью и страданием, тебе безвестным. А для меня сражение — в огне любви. Давай продлим тот миг, придуманный богами, — названья нет ему. Все это чушь, что люди говорят. Они тебя не знают и не поймут моих придуманных стихов, навеянных твоим молчаньем. Буду слушать тишину мечты. Она окутает мои стенанья, и новые слова услы-

пишь ты в стихе. Простые, может быть, слова. Слова надежды и любви, которые не сбываются и мною будут разрушаться.

* * *

Кто говорит, что жизнь едва проснется и не успеет высказать себя, как надо уходить в миры иные, забыв прошедшие дела, поступки, ненависть, любовь.

Они не знают, что будет продолжаться мир чудес в отражении твоём далеком или близком.

Ты можешь не понять. Душа сама определит себе покой и новые желанья. Их много, но они просты, как сон, добро, любовь.

Тебе, наверное, известно, что самые высокие поступки душа решает, никто не может ей перечить. Законы Жизни есть, с которыми никто не смеет спорить. Её ничто не оставит сразиться с ложью и предательством.

На планете, которая Землей зовется, высокие порывы понуждают умереть.

Давайте хищников-людей попробуем оставить от новых преступлений. Они навечно связаны с бездушными делами, где корысть правит ими. Они исчезнут в космическом огне. Носить такую ношу не позволит распад Космоса.

Он собирает души, дающие любовь и радость людям.

Об этом можно много говорить, но главное — поверить.

* * *

Дом хочу построить, в котором будешь ты и все мои родные. Помогу жить радостно и с нежностью смотреть в глаза друг другу.

Дом тот будет далеко от тех, кто погубил мои надежды, кто новые слова мои дослушать не хотел и бросил возраст мой, не совсем созревший, в пропасть дозревать среди стервятников с отменным зреньем, холодной душой.

Не хотелось рядом с ними жить. Такие люди тусуются в своих хоробах смерти, где их дела живут, подкармливая тех, кто душу продал Сатане...

...Меня преследовала первая строфа. Она убойной силой сметала попытки думать о делах насущных — хлебе и картошке. Ломилась и ломала дверь, туманя мозг мой слабый, укрепляя душу... Холод ощутила, ловя строфу другую, которая разделит былых мгновений счастье. Согрею у себя в знакомых ей листах тетради. Найду пустое место, запишу и успокоюсь на несколько секунд. Она маячит на окне, зовет, расправив крылья уходящей ночи.

Ее я завтра запишу.

* * *

Где мои друзья? Не вижу их возле своих дверей и окон. Разбрелись. Тропы к ним заросли давно забытыми мечтами. Живой родник был там, и пели соловьи. Сейчас дворцы и слуги окружают их.

Не раз пыталась к роднику пробраться, но за высокою стеной родник ушел в бассейн, а вместо соловья — секьюрити.

Посмотришь у себя — столы пустые, дешевые обои времен хрущевских, и вся квартира отдает портянкой дней брежневских, когда еще мои надежды зыбко бились, почти не веря, что можно обуздать судьбу, неловко нарисованную провидцем: дом не построю, к

роднику дорогу забуду, и вместо соловья куплю попугая. Он выучит мою судьбу, поддразнивать начнет текучими словами о моей кончине.

* * *

Постепенно освобождаюсь от обид. Не просто. Человек делается глухим. Обида нарушает жизненный процесс, приводит к катастрофе. Эту душевную болезнь вылечить можно только любовью. Думаю о своем эгоизме, о тяжелых исканиях радости жизни. Радость бесполезно искать, она должна быть с тобой постоянно; не та радость, к которой мы привыкли, а умиротворение.

* * *

Давно решила стать актрисой. Мне нравится процесс иллюзорной жизни, воспроизведенной на сцене. А где настоящая — там, на сцене, или у меня на кухне? Такая чепуха получалась. На сцене чувствую себя увереннее. В жизни ощущаю, будто меня ногами кверху держат. Живу, как жук, ползущий по стене.

* * *

Будут прорасти мои мысли на земле медленно, но верно. Любила слово «медленно», потому что была ленива, но не по характеру, а по образу жизни. Мне обещали работу, обещания замерзали. Терпеливо ждала, покрываясь пылью. Позвонить вновь было неловко. Выискивала в памяти людей, кто бы мог помочь. Оказывалось — раз, два и обчелся. Последние три года жизни почти ни с кем не общаюсь.

Хожу в дом напротив к моей подруге Инне. Она добрая, как все русские бабы с неудавшейся личной жизнью: сын 16 лет, она влюбляется, пишет стихи, служит охранником в какой-то фирме: внушительная форма, гордится работой. Меня принимает с радостью в любой час суток. У нее есть телефон, у меня нет — сняли за неуплату. Начинаю звонить в замкнутый элитарный круг. Перебрасываюсь заученными фразами кое с кем. Чтобы заглушить неловкость, громко говорю, почти кричу, придумываю на тот момент несуществующие работы, хвастаюсь... Они прерывают мою тираду поспешными фразами, или, в лучшем случае, вешают трубку.

И снова мы вдвоем с Инной. Я лежу на диване, она крутится на кухне. Что-то рассказывает из своей охранной жизни, читает свои стихи. Слушаю и восхищаюсь ее искренностью. Она не знает, что я пишу стихи, мы никогда об этом не говорим. Стесняюсь показывать свои стихи. Удивляюсь, как в миниатюрной фигурке собралось столько силы, воли, уверенности, разума житейского, страсти.

Почему не могу я? Значит, я неполноценная. Стою у края земли — она круглая, да еще вертится, я не падаю. С завистьюзираю на землян, гордых, что они не падают и не улетают. А я вот ношусь с собой, как с писаной торбой, и никто ее не хочет купить или просто поставить в угол кухни. Думаю о стихах, собираю утраченные годы в морской узел. Приходит Саша, значит, не одна.

* * *

«Подавай нам стихи!» Давно не пишу, жизнь угрохала, в пропасть бросила разум

страданий, обид. Замкнулась на жизни без дверей и желаний, опоясав себя судьбами жизни других.

Тонула на крыше любви старых слов, понимая, что новых уже не придумать. Жизнь научила меня не выискивать слова, их запросто сложит компьютер. Не надо придумывать древние мысли, поэтами сказанные на века. Хочу рассказать, что простые слова давно заполняют мой разрушенный дом. Не решаюсь судьбу тусовать, неловко делами предстать перед ней. Замкнусь лучше в комнате, уносясь в новый мир, где, наверное, поверят мне люди, что хочу покоя, любви и стихов. Помогите закончить рассказ о себе. О делах нерешенных — любовью зовутся они. О тоске уходящей, о немногих, которых люблю. О забытых дорогах, по которым я почему-то не шла.

Кто меня затравил в этой жизни? Почему никто не помог? Неужто, что водку пила, вместо другого лекарства.

Была изначально больна непониманием времени, людьми, не разбиралась в себе сама. Гложет совесть. Ужас жизни не дает покоя — попала в ложный лабиринт сомнительного времени страны моей. Всем много горя принесла. Простите.

Вот так жизнь свою растренькала смеясь, тусуясь с ворами души моей. Душа моя должна была страдать на этом свете. Страдать о мире, о несовершенных людях; на них смотрела со стороны и пропускала через свои понятия живой души.

Я все сказала о себе в стихах еще ребенком. Тело женщины мне не нужно было. Умереть должна была давно, об этом говорила я не раз.

* * *

Где теперь мои друзья?

Разбежались по своим хоромам. Бегут, и жизнь бежит за ними по пятам, как смерть, давая выбор чувству и поступку.

Посмотрю в бинокль за одной. «Убивается» она по мне, и думает, как поживиться у входа в мой дворец.

Он из стекла прозрачного построен, в ее квартире отражаясь. Слухи о моем утробном мире она непринужденно разносила, смотря на мир невинными глазами.

Все знает обо мне, чего не знаю я. Не видела меня годами, зато доказывала ловко, что я ее подруга на века. Привлечь легко умеет — убийцы нанимаются по объявлению в печати.

Та дама собирает капитал себе на памятник при жизни.

Что касается меня, в подвале того дворца живу. Учусь. Институт культуры, к стыду, окончить не могу. Эфиоп, не зная языка, справиться легко с ним мог бы. Я — выстрадаваю его, вступая в дикие конфликты с мужами таинства искусства. Учебники кажутся живыми: с когтями и рогами. Я их боюсь. Слова меня не понимают — зубрю ночами. Помогает друг мой, его я называю мужем от любви к нему. Вместе экзамены сдаем — одна боюсь до обморока.

Зато на сцене мне легко, мгновеньями радостно. Где применить могла бы себя? Возможно, в режиссуре.

Я отвлеклась.

В подвале тихо. В гости никто не приходил.

От одиночества и жалости к себе я плакала. И гордость обручем душила плоть...

* * *

Часами сижу у калитки, жду радость мнимой любви: боль прозрачных речей, сотворенных на лжи, и диковинных слов, что дыхание мое прерывают. Мне послушны твои мимолетные, бурные всплески тоски, поспеши. Укрою новым, вязанным мной покрывалом. Растворю многоликую сущность твою, солью в образ тот, что окутал навеки меня, и поймаю надежду мою в зыбкий, странный, уютный предательский домик покоя.

* * *

Бывало, я сидела у костра и слушала напев огня о боевых ночах, конях в сиреневых полях, о легендарных командирах. Это песни, с которыми росла. Легко и просто сорванцами зачеркнута страница века. Брошены в огонь костров судьбы поколений, не встретив на пути ни одного коня.

Что значит страх немой, навеянный грехом.

* * *

Иду по тоннелю воспоминаний. Надо разыскать мотив былых стихов. Они звучали в комнате, на кухне. Остановила мысль... Мотив был новый, доверительный и нежный, он проникал в мечту надежд. Заворожила простота мелодии.

Страшно стало от звуков прежних, в них не укладывались строки, которыми была полна душа. Возможно, набрела на дыхание любви, без гнева и страданий холодного рассудка. Стала улыбаться, как ребенок. Все оказалось добрым и желанным. Снова захотелось жить.

* * *

Уходят годы, новые придут. Ищу тебя, стою у окна. Бросаю вниз огрызок пера: поднимешь — меня услышишь. Хочешь, полюблю тебя, научу словам — жарко станет. Будешь смотреть на звезды. Не отводить от страха глаза, боль мою слушая. Научу говорить правду — это непросто. Просто, когда любишь, ищешь покоя души. Летом уедем, оберегать будешь мою усмешку и — никакой спешки в объятьях любви. Хочешь, умоешься моими слезами, чтобы печали задохнулись в потоке влаги. Ширму куплю — отгородиться от мира, слушать биенье сердца — ритм земли. А ты потери подсчитываешь, чтобы потерять меня.

* * *

Научилась улыбаться, Бог дал улыбку для этого. Непросто создать в душе гармонию доброты, нежности и сопереживания другому. Учусь ополаскивать сердце от печали. Вытяну руки к свету, думая о любви к Миру, Космосу... Ни малейшего недовольства. И промывай сердце этой энергией. Только сегодня смогла это сделать.

* * *

Буду говорить о жизни прожитой, такой мгновенной и чужой. Дела задуманные пока не завершила. Понять хочу себя и разобраться в том отрезке времени до 2000 года.

Опрокинулась сегодня в мир иной. Никто не нужен, кроме одного — Всевышнего. На работе, с детьми. В магазине, по улицам хожу — Он рядом. Хорошо всех любить —

прощать завистников, даже воров пожалеть. Счастья нет у них, предавших человеческую суть. Когда-то, миллионы лет назад, она летала, раскинув руки-крылья, жадность и предательство не мучили ее. Возможно, я жила тогда, детей рожала.

Свой путь прошла, и новый позовет меня. Была смешна, как девочка-подросток в платье маминном. Скорей познать любовь, скорее пролистать страницы, что зовутся жизнью, и появиться у древа — помощи просить, как все начать сначала.

Оказалось: не делай зла другому. А сколько проживешь — неважно для Земли. Сидины — не признак благородства, быть может, это сорняки, подкрашенные макияжем. Скажу вам по секрету: древо жизни подсказало — я бабочкой была.

* * *

Вспоминаю время золотое, когда мы вместе жили, а я была послушна и всех жалела. Любили мы друг друга. И мучились, любя, и жертвовали собой, любя. Постоянно прощение просили друг у друга и плакали счастливыми слезами. Так проходила жизнь наша, странная для всех; для нас же страданье от любого пустяка — пространство для дыханья. Еще вспоминаю посиделки на кухне: стихи читали, курили, пиво пили. И нам никто не нужен был.

Я звук ждала. Он приходил. И наполнялась я энергией чудовищного мига, непонятного, как рожденье человека. Душа играла и бросала в омут, или звала просматривать страницы ждущего меня сомнительного счастья.

* * *

Я попросила Нежность помочь Поступку. Оказалось, мешала Гордость. Она вздымалась непреклонною горой, и Нежность не смогла подняться на вершину — легла у ног, слезами обливаясь.

Тут подоспела Злость. Взялась откуда — Поступок объяснить не мог. Она кольцом холодным сжимала Нежность. Вдруг смело вошла Обида, и Поступок превратился в твердый ком, который хотелось растоптать, а Нежность ринулась к дверям...

* * *

Уходила в комнату свою и оставалась с Ним наедине. Иногда казалось, что я ощущаю Его тепло. Дома сознавали: появилось в жизни то, что не могли принять. И вслух произнести боялись. От невежества, незащищенности, что кто-то узнает, и бабушку выгонят с работы. От напряжения, что делаем не так, заползал страх. Как делать? Мы не понимали. Соппротивление времени было огромно — зомбированы все уже давно.

Когда разобралась, что тщетно доказывать мою причастность к космической любви, успокоилась (поставлю это слово). Он утешал: «Терпи, должна пройти свою дорогу в жизни. Смерть победишь, коль душу сохранишь».

Понимала, что в болоте кувыркаюсь, пыталась выбраться — напрасно. Хотела в монастырь уйти...

Жизнь прошла, как дымящий огонь — не потушенный, не разожженный. Тлели кости мои, душа пыталась помочь состраданьем. Говорила, не гоните меня. Еще расска-

жу вам про чащи лесные. Делами раскрою себя. Не гоните меня так рано. Родилась я уже птицей раненой. А набросились все, ровно солнце я затмила. Закачались дома. Разум мой потемнел...

* * *

Прихожу к выводу: много страдала напрасно. С двенадцати лет тихо умирала. Жаль, задержалась. Законы жизни не знала. Мозолила глаза себе и другим. Утехи постепенно рассосались, превратились в кляксу. Дико вспоминать, что творила: вначале от непонимания мира, затем от ситуаций, неразрешимых вследствие комплексов моих. Слышала ложь; слушала, как безжалостны ко мне. Тыкалась в дерьмо. Как укрыться от наваждений этих. Врать стала — вроде развлеченья. Какая разница, равнодушны все друг к другу. Не рассказывать же, что не ела сутки, потешу сказкой о шикарном кабаке... Затем наступала смертельная тоска. Но не это важно. Важно, что никто не заглянул ко мне домой и не попытался прислушаться к душе. Проходил эксперимент в колбе времени, с ложью и предательством. Но со мной Всевышний. «Потерпи!» Готова была терпеть, сколько скажет. Это было смыслом жизни, моим тайным творчеством.

* * *

Слова бегут диссонансом во времени, не прикасаясь к сути, в пустоту стреляют, у барьера пробегают, не вбираются энергией, чтобы давать мысль жизни. Они превратились в евроремонт.

* * *

Молча прошелся по комнате, собаку погладил. «Пойдем», — он сказал, наконец. Вышли в ночь. Свет от алой луны превращался за ним в крылатую тень. Мы куда-то спешили. «Смотри», — он шепнул. Я увидела новую улицу, костром освещенную, и народ шевелился вокруг. Возбужденные лица, в глазах отражение озорного огня. Среди них семь знакомых фигур, прикрывая ладонями рты, развлекались, швыряя в огонь газеты, журналы, пакеты с едой. Кто-то вылил бензин из канистры. Высоко полетела книжонка, загорелась на миг, как звезда, и погасла, почернев в пене пепла.

Хитрил огонь — сникало пламя. Притихла толпа. Вдруг один из семи, не пожалев Диора, одежду сорвал и бросил в высь. С воем бойцов-победителей кидали свой скарб остальные. «Подойди», — он сказал. Я примкнула к толпе. Семь ступенек кончались помостом. Как на подиуме, одетая в пламя, стояла она. «Неживая, — подумалось мне, — может, кукла? От тоски, вероятно, толпа забавлялась...» Вот и он нужный фокус навел — снималось немое кино.

Благодарный толпе, фиолетово-красный огонь оживал, где потеха смешалась с рассудком.

Не кричала она, устремив жесткий взгляд на меня.

То казнили меня: я стояла на новой дороге стиха своего, что зовется любовью.

* * *

Смешались сон и явь, в сгусток превратились. Буду приходиться, чтоб убедиться: дом

холодный, одинокий, стоит на той же улице, живут в нем книги, кастрюли и цветы. Теперь их поливают дұхи. Плачут только стены — никто не успокоит их незамысловатыми мечтами. Вроде, полюбила комнату, жить хочу в ней иногда, а дверь сейчас мне не нужна. Друзей здесь новых буду принимать, показывать свои страдания на стенах и угощать веселыми от солнца бликами. Я спрятала их в своих стихах.

Жаль, время доберется неумолимым разрушеньем, в прах превратится улица моя.

* * *

Оказалась я на планете, в стране попугаев,
Где утрачены мысли и вещие сны.
Поговаривали, будто люди здесь обитали,
В небо головы поднимали,
Жили, как Бог велел.
Кто-то взял меня и подбросил
К попугаю, достойному времени,
С опереньем заморским, ярким,
А зовется он «новым русским».
«Где же старые?» — я спросила.
«Этот вид уничтожен,
Мы, добытчики новой планеты, —
Покупаем и продаем.
Нет преград, мы — хозяева дел».

В обязанность мою входило следить за кормом, пыль стирать с антиквариата, с древних пифосов и амфор, кубков, масок золотых, ваз керамических — все не перечислить. Хозяин, видимо, свез в свои хоромы сокровища из Крита. И лампа Аладдина висела тут же. А рядом в полстены, в оправе золотой, как украшенья, — черный крест.

Прошло два дня.
Не замечал меня хозяин: я — рабыня.
Дом заполняли его друзья.
Премудрость языка мгновенно я постигла:
Убить, забрать, закрыть, перевести,
трахнуть,

Обнести и тусоваться...
Еще с десятка два иль три глаголов
Из клювов вырывались, разбиваясь
О черный, деревянный крест.
Осколки разлетались по углам,
Я подбирала их, когда все спали.
Сегодня собрался особый вид пернатых.
Весь дом готовился к приему их.
Я не имела права рядом быть,
Но любопытство верх взяло
Над этикетом престижного дворца.
Вдоль стены стоял сосуд в рост человека —
Наверняка, зерно хранили в нем
Народы древних лет —
С широким горлом и округлой формы.
Я забралась в него и наблюдала.

Их было восемь: украшенные драгоценными камнями, они клевали и курили травку. Прислуживали им только попугайши. Танцы начались, и музыканты старались не ударить в грязь лицом.

Катилась речь тяжелая, хмельная.
Один из попугаев крыльями взмахнул
и крикнул:
«Пленили весь народ — хвала нам, слава!
Порешить осталось одного, и баста!»
Они запели угрожающий, победный гимн.
В меня летели слова-глаголы,
Минуя крест.

Боль острая сознание пробила.
Очнулась. Тишина.
Передо мной
Хранитель мой на черепки распался —
Гнев слова равносителен пуле.
Я громко зарыдала.
Неужто нет спасения от рабства?
Вокруг все — попугаи
И ни одной живой души.
Окно открыла:
«Возьми меня к себе,
Иль помоги найти страну любви...»
«Идем», — сказал Он.
Я протянула руку.

* * *

Вспоминаю мою первую любовь — бело-брысого мальчишку. Он продавал билеты на аттракцион. Я садилась в машину, разукрашенную в яркие цвета, и крутила руль, стараясь не столкнуться с десятками других машин. Пять минут за один сеанс носилась по кругу, видя перед собой его смеющиеся серые глаза, крупные белые зубы. Он был нежен, скорее похож на девочку. Завораживал своей незавершенностью, как картина, решенная акварелью.

Дети и взрослые визжали от восторга: авто с бешеной скоростью мчались, стараясь не задеть друг друга. Музыка неслась вместе с нами, и я ни разу не попала в аварию. Помогла его улыбка — рассеянная, ничего не говорящая, возможно, просто рабочая. Но воображение требовало личного его взгляда только для меня. Я по несколько раз замирала — отбирается билет, прикрепляется пояс...

Щемило сердце от иллюзорности мгновения. Ах, если бы это было вечно!..

Как я могла уберечь на долгие годы любовь к этому мальчику с трудной судьбой, очень порядочному, стеснительному?..

— Ты в какой школе учишься? — спросила я, в очередной раз забираясь в машину.

— В вечерней, в десятом классе. Работаю и учусь играть на гитаре. Приходи завтра в клуб моряков, мы там репетируем. А тебя я знаю... Ты — Ника, — и он залился густым румянцем.

Для меня открывался мир познания таинства отношений. Я видела в нем чудо природы, хотя никто не разделял мой восторг. Когда он играл на гитаре, я понимала, что Бога в музыке у него нет. Но от него исходила эманация таинственного существа, которое волновало и вдохновляло мою душу.

Он жил с мамой и отчимом, но размещался тут же, во дворе, в своем «дворце»-сараяе, приспособленном для жилья. Так в Ялте устраивались многие. Стеснялся своей обители, но вскоре понял, что для меня это не имело значения. Страдал от моей неугомонной энергии — мне надо было говорить, говорить... Все, что я наговорила, ему было неинтересно, но он терпел и никогда не подавал вида, что утомляю его. Я всех утомляла.

Он уехал в Ленинград, слал мне телеграммы, письма, звонил...

Но я была уже в другом измерении ощущений...

* * *

Что случилось с моей страной, такой желанной, многоликой, чуткой и доверчивой,

всегда убогой, гордой? Не дают расправить плечи народу русскому. Бросают его на поруганье, кому не лень — легко, непринужденно, за тридцать сребреников.

Помню, как по телеку вещал наш царь, иноземцев успокаивая, что успеет разорить свою страну, пока стоит у власти. А я ведь бегала на площадь — глотку драла, оказалось — за дельца, который погубил десятки миллионов душ. Ему не совестно смотреть в глаза детей. «Мой народ, россияне», — только и мог он сказать. А этот демагог с красоткой шустрой, помешанной на побрякушках, играющей леди в стране, где гибнут люди, как тараканы под спреем импортным?

На колени тебя поставили, Россия.

Опять буржуи встали у руля, запихивая глотки семгой. Разворовали землю, дворцы построили, и началась игра в Элиту. Все врут, глядя в глаза друг другу. Думают, что они живут. Всевышний разберется, кто прав, кто виноват. Верю: победит душа. Народ проснется.

* * *

Давай поспорим. Будешь часто видеть зимний сон: я в наряде белом даю тебе кольцо, а ты не можешь его надеть на палец. Для меня кольца ты не нашел, хотя искал в той сумке, забитой новыми бумагами. Ведь не было кольца — нарочно рылся, знаю. Ушел, куда не ведал сам, в прострации ви-сишь. Еще одна судьба не удалась на полосе несовершенства человека.

Душа твоя взрывается тоской — был слеп. Хочу помочь увидеть зимний сад в тиши сиреневого снега, но далеко стоишь. Мне жаль тебя, ты это сознаешь. Проснись хочешь,

успокоить душу мыслью, но боишься. Я кинула в тебя снежком — он мимо пролетел.

* * *

Когда ушедших дней ловлю воспомина-
нья и черпаю со дна остатки слов, и хохот
радостный врагов моих порога дома дости-
гает, я чувствую раскаянье.

На цыпочках, едва дыша, бегу к раскры-
тому окну и с небом говорю — прошу поща-
ды. Страданья приносят звуки ночи в окру-
жении простых желаний — помочь устав-
шим людям.

* * *

Я в Ялте. Бабушка просит меня написать
воспоминания о Юлиане Семенове. Представ-
ляю себе ситуацию моего творческого нача-
ла и вдруг без него... Меня бы тогда не было
как поэта.

Это он первый обратил внимание на мои
стихи, не усомнился в том, что автор я, не-
смотря на непривычный для людского со-
знания мой возраст. Это он бескорыстно,
щедро, благородно, весело, соперживая о
моей судьбе, помогал мне утвердиться пер-
вое время (пока был жив) на тропинке по-
этического начала.

Потом — уже не было.

Последнее мое выступление перед аудито-
рией было в Ялте, в театре им. Чехова. Я
только что прилетела из Америки. Юлиан
представлял меня зрителю. Он был тогда пе-
чальный, и мне страшно было смотреть в его
глаза. Я чувствовала, что у него что-то не-
ладное в душе. Тогда он был особенно нежен,

по-отечески гладил меня по голове, а я вдруг задала ему вопрос, в чем же смысл жизни.

Он не сразу ответил. Возможно, на людях он не решался сказать то, что знал всегда. Стал говорить что-то умное, философское, я почти не слушала. Я знала, что смысл жизни только в доброте к людям, и это я читала в его глазах. Это была наша последняя встреча. Впоследствии я поняла, что как поэт никому не нужна. В результате стала стесняться своих стихов и пыталась мучительно и трагично найти себя. Уверена, если бы он был жив, моя судьба как поэта сложилась бы иначе.

Я несу в себе память о Юлиане Семенове, как о человеке совершенно неординарном для нашего сурового времени, когда личность не является жизненно необходимой для общества.

2000 г.

* * *

Новый день начался. На работу иду. Ждут дети. Они пришлись мне по сердцу. Правда, они не совсем дети (14—16 лет). Закончили новый сценарий с Сашей. Ставим постановку с радостью, упоением. Открываю полтона отношений — это главное. Дети улавливают с полуслова. Пробуем направить их на самостоятельное решение характеров действующих лиц. Неожиданно открытие героев разрешается трагически. Они по-своему просматривают проблемы Времени. Стараюсь показать, что происходящее сейчас — временно, а мы своей душой открываем для себя и других смысл жизни... Говорю и верю, по-

этому они верят мне. Нам хорошо! Сцена заканчивается слезами радости...

Завороженно смотрю на них. Я счастлива.

* * *

Он мне сказал: не бросай в окно маленькие радости, захочешь большие, а их не будет — веселье покинет тебя. Буду страдать — большие сердца лечить. Они в очереди у моих дверей стоят. Их много проходит за день и ночь. Я лечу их своим искусством новым, удивляюсь, что могу...

Он нес его на своей ладони, оно почти не билось, слабый издавая стон. И не смотрело на меня. Я слышать не могла страдания его. Кто тот преступник? Оказалось, сердце это было утрачено когда-то мною. Я его сажала на дыбу, любя. Оно молчало и ждало часа своего: отомстить или просить прощения?.. Нет, полечить, чтобы начать любить сначала.

* * *

Попроси меня рассказать о любви, раствориться в молчании слов. Жизнь поведала страсть, мгновенную смерть и попытки ожить от живительной влаги, которая делает муку любви не сравнимой с поступками прошлых измен. Я прошу повторить все сначала, ведь любовь может снова вернуться и, наверное, ты новый звук услышал, холодея от страха, что меня жизнь упрятала, канул давний решительный зов. Зов любви. Дула нет. Есть навеки живые глаза. И утробные крики замученных силой прощенья.

* * *

К моей судьбе стекутся годы, прощенные самой.

Мольбам не внемлю, мимо пролетят — им нечего сказать. Хотя бы первый и последний задержать, тире успеть поставить между ними.

* * *

У старого дома, где жизнь текла моя, жил маленький фонарь. Он от любви ко мне страдал. Его не замечала я — невзрачный был. Стерли годы лак его одежды, тусклым виделся он всем.

Бывало, на скамейке рядом с ним я любовалась новыми огнями на улице моей, Садовой. Они манили, стирая память прошлых лет. Грустно было, что думала я не о нем.

А он горел, как лампа на столе у бабушки моей. Вокруг царил покой, и вечность времени текла, часы земные пропуская. Ощущалась фантастическая целостность жизни. Ее сравнить я не могла с роскошным, пугающим светом фонарей у моря, что стоят на Набережной, меняя каждый год наряд: то в гранит одеты, то золотом покрыты...

Как могла не замечать тот мой фонарь! Болтала чушь с друзьями, смеялась над миганьем тусклым, забытым временем. Он слушал, все запоминая.

...Сейчас пришла к нему. По-прежнему стоит среди густых деревьев и с нежностью рассказывает новости о городе любимом, о моих проказах дерзких и смешных, о любви к усталым людям, которым нужен был покой и отбивные, о якобы удавшихся задумках судьбы моей.

В окне воспоминаний зажглись огни...

* * *

Хочу рассказать тебе сказку, навеянную былью. Удел мой был решенный — зеркало разбилось. Часа ждала знакомого, пережитого болью. Поплакала и притихла — раскинула руки-крылья. Лица твоего не видела, то был звук или ветер, теплым дождем купал меня, ночами глядел в окошко, а я стихи задумывала.

В тот день ты взял меня за руки, не посмотрел, что в крови, улыбкой своей их вытер и ничего не сказал — дотронулся до души.

* * *

Канули ночи в памяти сомнений. Уступила надеждам, стала рисовать в воображении претензии, мнимую любовь. Жила строками новых посвящений — плела узлы, туманами закрученные в гармонию прозрачных слов. Закончить тушью диалоги удалось. Они зарисовали пятна и прорехи — убрали пустоту решений незаконченных.

Не хватало мысли основной: где я и с кем веду беседу.

* * *

Мир пленил меня, забирая душу, осколки оставлял. Пыталась штопать, рай мастерила из нитей, утративших чувствительную целостность, пробуя найти ответ на вечный спор, зачем живем в таком хаосе.

Возвыситься стремимся над природой, разбиваясь о свое несовершенство. Усладу собирать ценой других мы возвели в кредо.

* * *

Станет просторней от мыслей текучих. Звуки ночные послышатся рядом. Знакомым предчувствием радость уколует, станет болящим сосудом. Не разлить бы. Трепет щемящий запомнить, услышать отголосок поющей души. Тусклые срезы лет, жизнью моей нарисованные, рядом раскинуть. Танец любви срисовать и такую устроить вакханальную ночь — радость утешить плотью палящей. И не понять, почему одна.

* * *

Слова пришли. Запомнила одно. Звучало нежно, слишком просто, будто травка шелестела на ветру. Жизнь кончалась. Замирал простор. А музыка по-прежнему лилась.

Невмоготу от незащитности, тоски, что ухватить не смеешь то желанье, не отпустить навеки от себя. Служить ему, смеяться, уноситься в даль непонятную, себя терзать. И, наконец, найти то слово. Любовью оно зовется.

* * *

Хорошо бы оказаться в поле, попросить напиться землю да святую птицу. Разбудить дыханьем травку да цветочки. Вместе пошептаться о желанной воле. Полететь к солнышку, погреться в лучиках, окунуться в реченьке и у вещей рыбки выпросить любовь.

* * *

Удалось найти воспоминанья давно забытых лет. Любовь зову на помощь — нет ее. Был блеф, игра. Одиночество загнало в угол.

Томлюсь от страха, что не умею разобраться в окружении моем. Тоскую по несовершившимся делам. Явными помехами в сознание путь перекрыт.

Нельзя сказать, что странной я была. Напивалась — могла смотреть в глаза. Трезвела — попадала в молчанье душ слепых. Они не виноваты, что спят. Веками длится сон. Во сне дурном живут. Расставлены фигуры не в шахматном порядке — все алогично.

Неуправляем разум. А подсознание ведет его к норме жизни, придуманной теми, кто не спит.

* * *

Легко разбрасывать камни, а собирать, нести — неважно. Задумала позвать друзей — мешки с камнями хотя бы сдвинуть с места. Унесу сама. Спрячу за той горой, куда никто не поднимался, содеянное оценить.

Друзья исчезали вдруг. Надо досчитать до трех — исполняются желанья. Вдруг считать я разучилась, осталась в памяти лишь цифра «два». Идти или не идти? Взяла я с камнями мешки и в гору понесла.

* * *

Прогнали меня земляне, простора и солнца лишили. Бросили в пропасть, чтоб памяти не осталось. Не угодила Сатане или ступенькам, что снились мне в детстве?

Любила умершие души, поколениями mesti растроченные. Они — дети века, который канет в вечность. Даже Божьим старанием спасти не удастся. Молитвы не достигнут пространства, где происходит ритуал прощенья.

Попали в ловушку люди, детей не защищая, стариков лишив Божьего места.

Страна моя, ощетинься, может, еще не поздно. Найди в себе силы, попробуй взглянуть в небо.

* * *

«Словам не верю. Подержу в руках — тогда убедишь. Наплела мне короб о любви. Пойди и приведи», — сказал мне скептик.

Спешу на улицу. Решила спрашивать прохожих. Толком объяснить не получалось, примет не знала: во что одета, ходит по земле или летает. «Встречали ль ту, которая веками старалась мир преобразить для счастья?» Плечами пожимали и уходили прочь. Возможно, прячется, сама боится выйти из укрытия — забилась в щель.

Кто-то подсказал спросить компьютер. «...Как правило, она живет в душе...», — отозвалась машина. Озаренная, я к скептику спешила. «Давно я душу продал по оптовой цене», — ответил он лениво.

* * *

Ты много говорил о таинствах любви, о якобы простых моих желаньях. Они не отягощали жизнь твою капризами моими. От тебя не жду ничего, кроме ответной любви. Но рабство мысли разбивает утехи мои о непреклонную тупость. Много ушло любви на мои уставшие мысли. Делаю попытки сблизиться с тобой душой, но все напрасно. Ты как ночь в сыром, туманном городе. Клянусь тебя, пытаюсь убежать куда-нибудь, лишь бы скрыться от своей беспомощности. Жалкие потуги к жизни — все на волоске висит. Тесно на зем-

ле и душно от желаний жалких, ограниченных мелкими страстями, — рассудок потешать ненужными ленивыми делами, умножая злость и зависть. Для чего все это? Неужто это смысл жизни человека? Что создаешь ты, Человек, то уничтожаешь тут же. Безысходная тоска сражает наповал. Все эфемерно, и жизнь так коротка. Найти хочу выход.

* * *

Всегда поют мои мысли, когда дотрагиваюсь до простых слов, будоража меня своим непосредственным выражением, таинством и первобытной глубиной. Деваться некуда от их давящей душу надвигающейся мелодии.

Сначала слышится напев, далекий, будто летящей по степи струны. Мощь простого слова утверждается вместе со звуками уходящего белого дня. Степь собрала в себе весь алфавит, он вроде бы наслаждается своим присутствием.

Бегут слова, и не догнать их. Этих слов хватает для радости, любви, добра. Что нужно человеку, чтоб выразить радость? — Два-три слова.

* * *

Попрошу рассудок свой понять — в нирвану бросить годы жизни. Начать сначала — слушать и прислушиваться к вам. Лишь покажите того Козла, что вас ведет в страну Любви. Овечкой стану в стаде, цвет поманю. Среди сестер моих затеряюсь. Один мотив из ваших обещаний блеять буду. И заживем мы весело, пока черед мой на закланье подойдет.

* * *

Я всегда жила жизнью так называемых друзей — их у меня не было. Да и сейчас я одна. Они вступили на полосу созидательной жизни, определенную веками. Начну сначала — брошу пить. Возможно, я помру, но останусь в памяти даже тех, кто предал меня и будет пользоваться мной в своей памяти, продолжая лгать.

* * *

Не верила предчувствиям, шла наперекор себе, сражаясь поминутно. Любовь (а может быть, ее страданием назвать) в тисках меня держала. Даже помощь неба не была слышна. Плоть пошла войной на душу хрупкую мою и занесла на время в мир, который «слабостью людской» зовется.

Когда природы зов врата желанья открывает, едва учуяв запах плоти, уже никто остановить тебя не сможет.

СОДЕРЖАНИЕ

•Будут прорастать мои мысли на земле...• Александр Ратнер . . .	6
Из книги «ЧЕРНОВИК»	13
•Жизнь моя — черновик...•	19
Кто я?	20
•Я стою у черты...•	21
Сорок первый год	22
Междугородные звонки	23
Хочу добра	24
Гадавье	25
•Тяжелы мои стихи...•	26
Там, где грохочет война	27
•Мы говорим с тобой...•	28
•Дождь, ночь, разбитое окно...•	29
Одному слушателю	30
Остановись на миг	31
Смысл жизни	32
•За что...•	33
Двойник	34
•Уезжаю, уезжаю...•	35
•Вы — поводырь...•	36
•Информация человечества...•	37
•Благослови меня, строка...•	38
•Как трудно стало...•	39
Нули	40
Соловей	41
Три тюльпана	42
•Я ночь люблю за одиночество...•	43
•Не пишутся мои стихи...•	44
Возвращенье	45
Уронила в руки волосы	46
•Как больно, помогите...•	47
Я дом уберу	48
Косу заплети тугую	49
•Убаюкайте меня, укачайте...•	50
•Душа-невидимка...•	51
Новости дня	52
•Каждый человек...•	53
Дом Пастернака	54
Бабушке	55
Фокусник	56
•Срубленные рифмы...•	57
Одной из женщин	58
Раненая птица	59
День зачеркнут	60
Маме	61

♦Друзей ищущ...	62
Лица	63
Воспоминанье	64
Голос	65
♦Не слушайте уличных фонарей...♦	66
Улица	67
Ложь	68
♦По гулким лестницам...♦	69
День рождения	70
Не я пишу свои стихи?	71
♦Я играю на рояле...♦	72
♦Так день далек...♦	73
♦Вы умеете пальцами слушать дождь?♦	74
Маме	75
Калейдоскоп	76
♦Вы проходите по ночи...♦	77
Дом под каштаном	78
♦Я тороплюсь скорей туда...♦	79
Я обманула вас	80
♦Я закрываю день ресницами...♦	81
♦Птицы...♦	82
♦Лица уходят из памяти...♦	83
♦О, как мы редко...♦	84
Лошади в поле	85
♦Я поверила взгляду...♦	86
♦Я — полынь-трава...♦	87
♦Я трамваем не поеду...♦	88
Четырнадцать слезинок	89
♦Утром, вечером и днем...♦	90
♦Я затеряюсь в тумане...♦	91
♦Я год хочу прожить...♦	92
Три апельсина	93
Кукла	94
♦Не спится мне...♦	96

Из книги «СТУПЕНЬКИ ВВЕРХ, СТУПЕНЬКИ ВНИЗ...» 97

♦Алая луна...♦	103
♦Собака сидит на цепи...♦	104
Певице	105
♦День утонул в ночи...♦	106
♦Я слушаю дождь...♦	107
♦Дождь размазал...♦	108
♦Однажды в снег...♦	109
Правила поведения за столом	110
Я сердце свое нахожу в траве	111
Бабушке Люде	112
♦Карты, кольца...♦	113
Скала	114

Этюд	115
Отцу	116
Погибшим в 1943 году в Эльтигене	117
Прощанье	118
Синяя птица	119
Сказка современная	120
♦Ребенок учится ходить...♦	122
Размышление	123
♦Разбита машина...♦	124
♦Подарите мне "Лед-69"...♦	125
♦За окном метель...♦	126
♦Пересадила сердце тем...♦	127
♦Я учу говорить маленького человека...♦	128
♦Холодом подернут след...♦	129
Девочка-сон	130
♦Колки пальцы...♦	131
♦Семь мной разбросанных страниц...♦	132
♦Раскачайся на качелях...♦	133
♦Как хочется...♦...	134
Звонарь	136
♦Не надо...♦	137
♦Что останется после меня...♦	138
♦Зачем все время говорить о том...♦	139
♦Не дозвонились...♦	140
Засуха	141
♦Азбука морзе...♦	142
♦Перевели стихи...♦	143
Нерожденному	144
Спасибо	145
Древний Рим	146
♦И горек моря аромат...♦	147
♦В маленьком ресторанчике...♦	148
♦Запеленали город мостами...♦	149
♦Город похож на раковину...♦	150
Колизей	151
Золотая рыбка	152
Чужие окна	153
♦Горьких слез не надо...♦	154
♦Хмурое утро...♦	155
♦Наговори мне целую кассету...♦	156
♦В озере черном плещет вода...♦	157
♦Раскиньте крылья, птицы...♦	158
♦Как хочется бежать...♦	159
♦Не побеждайте победителей...♦	160
♦Во вторсырье...♦	161
♦О, как хрупка соломинка твоя...♦	162
Никитский ботанический	163
♦Ты начал переписку...♦	164
Колыбельная	165

♦ Не забывайте добрые слова...♦	166
♦ В осенний сад...♦	167
♦ Стихи мои...♦	168
♦ Живую строчку не могу найти...♦	169
♦ Вместо кнопки лифта...♦	170
♦ На улице какой живет друг мой...♦	171
Тень	172
♦ У слова есть всегда начало...♦	173
♦ Дом в деревянной оправе...♦	174
♦ Молчалиником печальным...♦	175
Заозерье	176
♦ Зарешечено небо...♦	177
♦ Евгений Александрович!♦	178
Гном	179
Болев мир	180
♦ Верните музыку колоколов...♦	181
Портрет	182
Художник	183
Память	184
♦ НЕ ЗАБЫВАЙТЕ ДОБРЫЕ СЛОВА...♦	
(неопубликованные стихи)	185
Ван Гог	191
♦ Будь проклят день...♦	192
♦ Сигарета за сигаретой	193
♦ Не признавая Казановых...♦	194
♦ Я оскорбляла эти стены...♦	195
♦ Воевать, чтобы сдаться...♦	196
♦ Я начинаю ощущать...♦	197
♦ Ах, эти три сосны...♦	198
♦ Колдуй, колдунья-бабушка...♦	199
♦ Как по площадке...♦	200
♦ Звонок...♦	201
♦ Брошены мысли в помойку...♦	202
♦ Я не хотела умирать...♦	203
♦ Асфальт ночью горячий...♦	204
♦ Эй, заходите...♦	205
♦ Меняю боль на эхо...♦	206
♦ Отец, я устала...♦	207
♦ Спи, моя печальная...♦	208
Сестре	209
♦ Когда наступает утро...♦	210
♦ Поздняя ночь...♦	211
♦ Киллер-судьба...♦	212
♦ Вам одиночество к лицу...♦	213
♦ Полночь пришла...♦	214
♦ Ищите правду в самих себе...♦	215
Развод	216

Маме	217
♦ Убитые рождаются... ♦	218
♦ В круговом обороте пепельницы... ♦	219
Письмо поэту	220
♦ Устали холодные ветры... ♦	221
♦ Серое небо... ♦	222
♦ Размянулись дороги... ♦	223
♦ Полов дом любви и согласия... ♦	224
♦ Подожди... ♦	225
♦ В комнате белой Швейцарии... ♦	226
♦ Ныряю в бассейн... ♦	227
♦ Казалось, время пройдет... ♦	228
♦ Пойдем со мной... ♦	229
♦ Господи, рассуди непослушных... ♦	230
♦ То ли лжи клубок... ♦	231
♦ В моей опочивальне... ♦	232
♦ Последний гудок... ♦	233
♦ Рожу сына... ♦	234
♦ У людей — удочка... ♦	235
♦ Утрачены дороги наши... ♦	236
♦ Тоска... ♦	237
♦ Во мне проказа времени... ♦	238
♦ Мы начали с нуля... ♦	239
♦ Изможденная... ♦	240
♦ Подниму косу... ♦	241
♦ Забрал из Ада... ♦	242
♦ Господин мой... ♦	243
♦ Умер поэт... ♦	244
♦ Куплю одиночество... ♦	245
♦ Удила закушу... ♦	246
♦ На Покрова-праздник... ♦	247
♦ Дую на пальцы... ♦	248
♦ За домом пруд сухой... ♦	249
♦ Мокнет рассвет... ♦	250
♦ В морозилке... ♦	251
♦ Любовь везде одна... ♦	252
♦ Дом стоит у дороги... ♦	253
♦ Годы пройдут... ♦	254
♦ Новые слова замучили меня... ♦	255
♦ Белую прядь изжевала... ♦	256
♦ Разлучили. Напоили... ♦	257
♦ Долго живут звери... ♦	258
♦ На перекрестке... ♦	259
♦ Набесились летом... ♦	260
♦ Распушусь... ♦	261
♦ Звонок случайный... ♦	262
♦ В тире яблочко... ♦	263
♦ Я позвонила вам в ночь... ♦	264
♦ Желаю... ♦	266

•Предел мечтам моим...•	267
•Молчим...•	268
•Много дел у меня...•	269
•Смешно и суетно...•	270
•Мы нелюдимы...•	271
•Я — мать-одиночка...•	272
•Многие думают...•	273
•Проскочить...•	274
•Роняешь мысли у входа в Алтарь...•	275
•Голуби...•	276
•Раз нам дается счастье...•	277
•Захочу себя помянуть...•	278
•Мечется душа...•	279
•Дверь распахни...•	280
•Что-то хрустнуло в фальшивом мире...•	281
•Вроде родилась вчера...•	282
•Проси прощенья...•	283
•Что скажешь...•	284
•Она скрывается в хоромах...•	285
•Опрошу всех богов...•	286
•Прости, судьба...•	287
•Купи компьютер...•	288
•Прекрасно мраморное тело...•	289
Царевна-лягушка	290
•Прошлые лета забыла я...•	291
•Распустив воспоминания...•	293
•Зыбко видеть люд...•	294
•Унеси меня, утро...•	295
•Сколько прожито лет...•	296
ЧТОБЫ НЕ ЗАБЫТЬ (записки)	297

Литературно-
художественное издание

Ника Турбина

ЧТОБЫ НЕ ЗАБЫТЬ

Стихотворения, записки

Редактор:

А. Г. Ратнер

Технический редактор:

В. В. Олешкевич

Корректор:

Л. С. Червона

Сдано в набор 10.10.04.

Подписано в печать 16.11.04.

Формат 60×84/16.

Бумага офсетная.

Гарнитура «Школьная».

Усл. печ. л. 19,99.

Уч.-изд. л. 6,25.

Тираж 1000 экз.

Изд. № 30. Заказ № 235.

Издательство «МОНОЛИТ»

49038, г. Днепропетровск,

ул. Горького, 20.

Тел. (0562) 340-873

E-mail: monolit@a-teleport.com

Свидетельство ДК № 273

от 08.12.2000 г.

Отпечатано с готовых фотоформ

АП «Днепропетровская

книжная типография»

49038, г. Днепропетровск,

ул. Горького, 20.

Свидетельство ДК № 251

от 17.11.2000 г.

В первое посмертное и наиболее полное издание произведений Ники Турбиной (1974–2002 гг.) включены ее стихотворения из книг «Черновик» и «Ступеньки вверх, ступеньки вниз...», а также неопубликованные стихи и записки «Чтобы не забыть».

ИЗДАТЕЛЬСТВО
«МОНОЛИТ»